
Г.

А.

Х.

Н.

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

11

МОСКВА

1928

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

БЮЛЛЕТЕНЬ

Г. А. Х. Н.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМИИ
ПРОФ. А. А. СИДОРОВА

11

Печатается по распоряжению
Ученого Совета Г. А. Х. Н.
Ученый Секретарь
А. А. Сидоров.

Редакция выпуска закончена 15 сентября 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ ГАХН I—VI 1928:

	<i>Стр.</i>
Социологический разряд	5
Физико-психологический разряд	9
Философский разряд	22
Литературная секция	27
Театральная секция	43
Музыкальная секция	48
Секция пространственных искусств	52
Декоративный комитет	60
Отдел изучения искусства народов СССР	65
Библиологический отдел	68
Кино-кабинет	73
Психофизическая лаборатория	79
Хореологическая лаборатория	83
Научно-показательная часть	87

Социологический разряд

За время с 1 января по 1 июля 1928 г. деятельность Социологического разряда выражалась в нижеследующей работе его ячеек.

В Комиссии по социологическому изучению искусств состоялось 7 заседаний, на которых заслушано 6 докладов, из них 4 — по музыке и 2 — по изобразительным искусствам.

20/I был заслушан доклад А. Н. Греча: „Искусство Кэте Колльвиц“. Доклад ознакомил с эволюцией творчества Кэте Колльвиц, подчеркнув глубокую социальную значимость ее искусства, эмоциональность творчества, выразившуюся в подборе тем, и большое мастерство, которое заставляет рассматривать ее гравюры, как вещи, приближающиеся к созданиям серьезной живописи.

Заседание 2 II и 16/II были заняты докладом Е. Б. Вильковира: „Формализм в музыке и марксистская методология“. Выяснив основные положения теории Ганслика, являющейся наиболее определенным и заключенным выражением формализма в музыковедении, докладчик указал ее положительные стороны (опровержение метафизического взгляда на изобразительные и выразительные свойства музыки и установление последних), а также и недочеты ее (неправильное противопоставление эстетической и эмоциональной точек зрения, незаконное отгораживание музыкальных переживаний от переживаний иного порядка, методологические предпосылки возможности исследования связи между физиологией и психикой человека и софистическая постановка вопроса о нераздельности формы и содержания в музыке).

16/III состоялся доклад Л. В. Розенталя: „Социальные основы развития русской бытовой живописи“. В докладе проводилась мысль о связи эволюции русской жанровой живописи с развитием денежного хозяйства, преимущественно в XIX веке. Докладчик анализировал различные слои „потребителей“ жанровой живописи и эволюции их вкусов, проследил эволюцию жанра от простого бытоописания к живописи идейной и обличительной и вскрыл последовательные отражения быта крестьянства, купечества и городского обывателя в жанровой живописи.

3/IV был заслушан доклад А. А. Альшванга: „Социальные основы античного учения о метаболе“. В докладе рассматривался расцвет метабола в античном мире (максимальный для одноголосной музыкальной культуры), как результат быстрого темпа развития товарно-денежного хозяйства в античной Греции. После распада римской империи наблюдается вырождение античной модуляции вследствие ненужности ее в новом феодальном строе. Новое появление модуляций в европейском мире (в итальянских торговых республиках Возрождения) обусловлено рождением торговой буржуазии.— Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой указывалось на музыковедческую и социологическую ценность доклада, обращенного на исследование модуляционного письма, как разрыва со старым установленным звуковым мирозерцанием, как и на ряд серьезных методологических недочетов (невозможность изучения искусства вне его социальной функции, условность метода психологических аналогий).

26/IV состоялся доклад М. С. Пекелиса: „Автобиографические черты в музыкально-драматической концепции „Хованщины“ Мусоргского и их социальные корни“. Отличия в первоначальном замысле концепции „Хованщины“ от ее последней редакции заключаются в смещении центра тяжести с Досифея, князей Хованского и Голицина на Марфу. Автобиографический смысл этого смещения—в трагическом значении образа Марфы, построенного на антитезе страстной воли к жизни и вынужденного отрешения от нее.

Доклад Антона Углова: „Музыкальное исполнение и современность“ (24/V) был посвящен вопросу о принципах нового стиля исполнения. Целевой установкой при конструировании „современного“ стиля игры является ориентация на классовую психологию. Задача исполнения — дать максимум художественных эмоций действенного характера. Сохраняя безусловную верность нотописи, исполнитель обязан выразить художественные свойства произведения в том виде, который наиболее соответствует объективным предпосылкам класса и эпохи. Докладчик считает необходимым видоизменять главные элементы музыкального исполнения, настаивая на динамической модификации (в направлении к повышению общей звучности за счет моментов средней силы) и ритмической модификации (тенденция к сокращению задержаний в пользу периодов ускоренного движения).

В Комиссии по социологическому изучению литературы было прочитано 4 доклада:

В. Ф. Переверзев: „К вопросу о понимании творчества Гончарова“ (30/I). Докладчик показал, что Гончаров является идеологом нарождающейся крупной промышленной буржуазии.

13/II Г. Н. Пospelова: „О старой манере Тургенева“. Докладчик показал, что стиль Тургенева един, что нельзя в его творчестве установить „старую манеру“.

27/II В. С. Нечаевой: „Образ мечтателя в ранних повестях Достоевского“. Докладчица показала, что характерными чертами мечтателя являются неприспособленность к окружающей обстановке, нетрудоспособность, стремление к одинокой, замкнутой жизни, уход в фантастический мир.

4/V тов. Воробьева: „Творчество Никитина“. Докладчик старался показать, что Никитин является представителем нарождавшейся крупной буржуазии, что он был предшественником Гончарова.

Кабинет революционного искусства Запада имел восемь организационных заседаний, посвященных текущей работе по разборке книг и составлению биографий по вопросам литературы и искусства современного Запада.

В помещении Государственного Музея Изящных Искусств была открыта выставка, посвященная творчеству художницы К. Кольвиц и выпущен каталог со вступительной статьей проф. А. А. Сидорова. Из числа собранных экспонатов были выделены наиболее характерные листы для аналогичной выставки в Казани, совместно с Центральным музеем Татарской соц. сов. республики. Текст каталога составлен А. Н. Гречем.

По просьбе Пермского худож. музея А. Н. Гречем и А. А. Федоровым-Давыдовым был подобран материал для выставки „Графика революционного Запада“.

За истекший период библиотека кабинета обогатилась рядом книг по новейшей литературе Франции, закупленных на специально отпущенные средства М. Д. Эйхенгольцем в бытность его во Франции.

А. Н. Гречем производится работа по составлению карточного каталога на все материалы (за исключением книг) кабинета и в связи с этим производится их научная классификация.

В целях размежевания библиотек общеакадемической и кабинета, последним было устроено совещание, выработавшее принципы собирательства книг и обмен или в пределах библиотечных разделов Академии.

В Кабинете революционной литературы за истекший период велась работа по составлению 2-го тома биобиблиографического словаря писателей XX века. В работе принимали участие как члены кабинета, так и приглашенные лица. Всего в кабинете проведено 22 заседания, на которых были заслушаны биографии.

Было заслушано два доклада:

12/XI 1927 г. И. М. Машбиц-Верова: „Русские писатели Северного Кавказа, Украины и Крыма“ и 19/XI Д. С. Усова: „Ленинградские поэты-попутчики“. За текущий период архив

кабинета пополнился архивом покойной Л. М. Рейснер, в который входят как рукописи ее произведений, так и эпистолярный материал: письма покойной к родным и письма ряда лиц о Лариссе Михайловне, между прочим, Н. Гумилева, Ф. Раскольникова и т. д. При кабинете для работы над архивом организована комиссия по изучению творчества Л. М. Рейснер.

1/IV состоялось заседание кабинета, на котором было заслушано сообщение М. А. Рейснера о предполагаемой работе над архивом. Решено приступить к классификации и описанию материалов и к подготовке к печати полного собрания сочинений Л. М. Рейснер.

Физико-психологический разряд.

Отделение организовало пленарное заседание, на котором В. Н. Иванickaя-Мурузи прочла доклад на тему: „Творчество О. В. Ковалевой“ 11/VI 1928 г. Докладчица дала описание детства, юношества и зрелого возраста артистки-крестьянки, певшей вначале своей карьеры в опере, но затем оставившей последнюю и начавшей популяризировать старую русскую песню. Старая русская песня вымирает, она заменяется частушкой. Многие лица собирают, гармонизируют и изучают старую русскую песню, созданную народным гением; но есть лица глубоко и проникновенно любящие эту песню; они принимают на себя тяжелые обязанности популяризации песни, связанной с „хождением по мукам“. О. В. Ковалева на пути своей многотрудной работы в избытке переносила голод, холод и унижение человеческого достоинства, пока, наконец, не завоевала признания ее не только внутри нашего Союза, но и за границей.

После доклада состоялся концерт, на котором было исполнено более двадцати старинных русских песен, большая половина последних сопровождалась аккомпанементом четырех домр. Доклад и концерт привлекли большое количество не только членов и научных сотрудников отделения, но вечер посетили и многие работники других отделений и секций Академии.

В Комиссии изучения пространственных искусств Кабинета примитивного искусства за отчетный период прошло 16 заседаний. Из них 4 были посвящены научно-организационным вопросам, 1 — соединенное заседание Отдела национальностей и п/секции крестьянского искусства, и Кабинета примитивного искусства, 6 заседаний были посвящены вопросам исследования детского творчества, и 5 — вопросам детского художественного восприятия. Таким образом основная работа шла по двум главным отделам: художественного творчества и художественного восприятия ребенка.

18/I А. П. Зедделер был сделан доклад: „Сюжет, как изобразительная форма в рисунках детей школьного возраста“. Докладчица на ряде рисунков доказывает зависимость изобразительной формы сюжета от основного психо-биологического фактора. Вторичными факторами прослеженными докладчицей являются: пол, социальная школьная среда, семья

и происхождение (социальное и национальное). Докладчице ставится в упрек недостаточная четкость в постановке темы, неясность основной темы. Следовало изучить изображение вещи и ее функций, затем — воздействие среды на перемещение в этапах эволюции образа, на пропуск фраз, на изменение темпа развития. В основе работы должна быть положена индивидуальная эволюция, которую, однако, необходимо проверять на массовом материале. Этот доклад является началом большой и интересной работы.

25/І состоялось организационное заседание, посвященное вопросу организации выставки параллелей народного, детского и взрослого искусства. Выделена группа лиц, которой поручена предварительная работа по сбору материала.

1/ІІ Е. А. Флерина делает сообщение о „Методике изобразительного труда в дошкольном возрасте“. В общих чертах содержание доклада сводилось к следующему. В воспитании дошкольника изобразительное творчество имеет первейшее значение. Ребенок почти непрерывно занят изобразительным процессом. Необходимо организовать, с одной стороны, художественное восприятие, с другой — художественное творчество; первому требованию должно удовлетворять целесообразное устройство окружающей ребенка обстановки (двора, сада, помещения, материалов для работы); что касается методики художественного творчества, то в работе с малышами роль педагога сводится к умению организовать спокойную атмосферу, умению во-время дать подходящий материал; при руководстве старшими детьми допустимо введение новых раздражителей, повышающих творческую активность; помощь педагога сводится к обострению детской наблюдательности и к развитию в детях самокритики и коллективной критики. В прениях по докладу намечается ряд вопросов о том, чем художественное воспитание отличается от воспитания вообще, какова цель художественного воспитания, каково взаимоотношение коллектива и индивидуальности и т. п.

8/ІІ Н. П. Сакулина дает доклад об „Индивидуальной эволюции, в детском рисунке“. Он является одним из целой серии докладов по вопросам исследования детского творчества, каким был и вышеупомянутый доклад Зедделер. Докладчица демонстрирует ряд рисунков мальчика с 8 — 13 лет. Рисунки были выполнены под наблюдением докладчицы и дают возможность судить о развитии свободного творчества ребенка, вне стен школы. Анализ рисунков приводит к заключению, что чередование фаз в изображении пространства, объема и образа совпадает с общей эволюцией, намеченной теорией А. В. Бакушинского. Периоды и фазы развития художественного творчества нигде не перемещаются и не выпадают, но зачастую лишь сдвигаются, давая то ускорения, то замедления.

15/II Н. П. Сакулина дает сообщение об „Очередных вопросах школьной методики по художественному воспитанию“. Докладчица дает сводку работы, выполненной методической группой и намечает на будущее время ряд вопросов, которые должны быть проработаны и доложены отдельными сотрудниками: о свободном рисовании, об иллюстративном рисовании, о рисовании с натуры.

22/II Н. П. Поспелова, которая стоит во главе группы: „Игра, игрушка и пособие“, образованной с целью создания образцовых игр и пособий для дошкольника, делает доклад о „Печатных и настольных играх“ и дает критику существующей на рынке продукции. Критика эта дается ею на основе ряда наблюдений над восприятием детей, проведенной в целом ряде детских учреждений и приводит к отрицательной оценке рыночной продукции. Необходимо заново создать материал, удовлетворяющий требованиям современной методики. Для этого работа должна направляться по двум линиям: производственной (выработке новых образцов) и экспериментальной (проверяющей пригодность данного материала). Группа „Игра, игрушка и пособие“ намерена продолжать в этих направлениях свою работу по созданию в первую очередь печатной игрушки.

29/II Н. П. Сакулина делает сообщение о „Свободном рисунке“. Это сообщение является очередным в серии намеченных сообщений по вопросам методики художественного творчества. Тезисы доклада по обсуждению их принимаются, как руководящие для школьного преподавания. Они сводятся в общем к следующему: свободное творчество должно быть всячески поощряемо. Возбудителями творчества могут быть: новый материал, новые приемы, новые темы, новые впечатления. Форма в детском рисунке должна развиваться свободно, без давления преподавателя. Лишь в период перелома и по отношению к отставшим детям педагог может допускать особые приемы помощи. Очень полезно культивировать коллективную оценку работ учеников в классе.

7/III состоялся доклад Е. А. Флериной: „Книга для школьника“, в котором докладчица поделилась результатами работы, происходящей в комиссии НКПроса под ее руководством. Задача книги—есть укрепление, расширение и углубление опыта ребенка. Книга, давая радость ребенку, вместе с тем является нашим идеологическим сотрудником, она помогает ребенку проникнуть в реальность, поэтому докладчица считает недопустимой для детей в возрасте до 6 лет фантастику всякого вида. Лишь с 6 лет, с тех пор, как у ребенка появляется способность отличить вымысел от реальности—следует вводить антропоморфический элемент в содержание детской книги. Докладчица касается далее вопроса художественной формы детской иллюстрации и дает обзор тем, разрабатываемых

новой детской литературой. Необходимо обратить внимание на изобретательские темы, на веселые темы, и на большую эмоциональность в темах революционных и производственных.

Особенно острые прения вызвал вопрос о фантастике в детской книге и о методах исследования детских восприятий. Отмечается большая и интересная работа комиссии, которая стремится устранить кустарность в оценке детской книги и заменяет ее научными методами; вместе с тем, однако, отмечается некоторая сухость получаемых результатов работы по детской картинке, что является следствием чересчур аналитического подхода комиссии в своей работе, лишаящего художника и автора свободы творчества.

28/III Е. М. Зонненштраль делает доклад о детской книге в издании Мириманова. Этот доклад является первым в ряде намечаемых докладов по критике существующих издательств детских книг. Докладчица дает характеристику издательства на основе его продукции за последние 2 года и иллюстрирует доклад рядом книг. Докладчице делается упрек в недостаточно систематически проведенной проверке книг путем исследования детского восприятия и в излишней мягкости при оценке работы издательства. Отмечается общая тенденция издательства—дать интимную, реалистическую книгу, тенденция вполне приемлемая, но недостаточно художественно выполняемая.

4/IV состоялся доклад Г. И. Журиной: „Иллюстративное рисование“ из серии методических докладов. Сообщение сопровождается показом детских рисунков и заключается тезисами, которые после ряда исправлений принимаются, как резолюция всей методической группой кабинета. В результате признается необходимым доработать следующие вопросы: 1) темы комплекса по ГУС'у, 2) иллюстрации литературных произведений, 3) темы для продвижения детей в цвете, движении и т. п.

11/IV—соединенное заседание Отдела национальностей, п/с. крестьянского искусства и Кабинета примитивного искусства. Сообщение делает Н. Д. Бартрам „Роль коллективного и индивидуального творчества в производстве игрушки“. Докладчик показывает интересную коллекцию игрушек, начиная от старинных народных резных игрушек, кончая современными произведениями отдельных художников. Коллективное искусство в прошлом кристаллизировалось десятками лет и следовало прочно установившим традициям. Темп новой жизни вызывает необходимость создания стандарта. Здесь нужна коллективная работа педагога, историко-исследователя и производственника, пополняемая тщательными изучениями потребителя. Доклад вызвал живой обмен мнений и споры относительно возможных путей создания новой игрушки, на смену народной безвозвратно ушедшей вместе со старым бытом.

9/V Е. М. Зонненштраль делает сообщение о детской книге в издательствах „Молодая Гвардия“ и „Госиздат“ за последние 2 года. Как и в предшествующем своем докладе, докладчица дает характеристику издательств, иллюстрируя свои положения рядом книг соответствующих издательств. Докладчица приходит к заключению о том, что в обоих издательствах преобладает формально эстетический подход к иллюстрации и что необходимо усилить работу в направлении создания более интимной критики для детской книги.

Кроме заседаний в кабинете происходила работа по классификации рисуночного материала; 3 раза в неделю в кабинете давались справки по вопросам изучения детского художественного творчества и по вопросам художественного воспитания; кроме того велась работа по составлению библиографической картотеки (налицо имеется около 1000 карточек) книг, относящихся к вопросам исследования детского творческого, художественного воспитания, методики художественных экскурсий, вопросам художественного восприятия и т. п. Помимо библиографической работы велась работа рецензентская в той же области.

С 1 января по 1 июня 1928 г. в Комиссии по изучению художественного творчества состоялось 8 заседаний.

Дополнив свою статью о творчестве, предназначенную для обще-теоретического тома издаваемой Академией Терминологической энциклопедии, П. С. Попов представил весь этот материал на обсуждение объединенного заседания по творчеству и историко-терминологического кабинета (26/I). Желая дать в статье сжатое изложение всех достижений и точек зрения психологии художественного творчества, автор разбил материал на три раздела: в первой части дал характеристику основных методов (суб'ективного, об'ективного, биографического, психографического, социологического и др.); во второй — обрисовал основные факторы творчества как физиологические, так и психологические (фантазию, бессознательное, художественную память, эмоциональную жизнь, мышление и др.). Последняя часть представляла собою общую картину развертывания творчества по этапам, согласно схемам Гартмана, Дессуара, Крейбиха, Мюллер-Фрейенфельса, Маргиса и др. Оппоненты, считая очерк Попова вполне исчерпывающим и адекватным, указывали на желательность принципиальной критики точки зрения психологии творчества, усматривая в ней ряд дефектов, при чем часть оппонентов заняла по существу критическую позицию в отношении того, что дала психология творчества доньше.

В этом отношении доклад И. Н. Дьякова: „К вопросу о природе творчества“ (23/III) явился продолжением развернувшейся дискуссии, при чем докладчик отнесся резко отрица-

тельно к тому, как разрабатывается соответствующий круг проблем психологии творчества, доказывая, что до сих пор по существу не выяснено, что собственно нужно исследовать для разрешения проблемы творчества. Для обнаружения черт творчества, по мнению докладчика, следует остановиться на следующих чертах: временной стихии творчества, порождаемости, непредвиденности, стихийности творчества и непрерывном создании сознанием новых неожиданных форм. Оппоненты признали нападки докладчика на психологию творчества неосновательными, а собственные характеристики его — отчасти опирающимися на ту же самую литературу, которая была им отвергнута, с другой стороны — слишком общими и расплывчатыми.

Дальнейшим продолжением выдвинутого основного вопроса был доклад С. С. Скрябина, 18/V: „Понятие художественного творчества“. Автор определял творчество, как мышление, оттеняя пассивный и непосредственный характер творчества. Художественное творчество, понимаемое, как творчество эстетического предмета, необходимо интенционально и направлено на эстетический предмет, как таковой. С эмоциональной стороны художественное творчество есть интеллектуальная любовь к прекрасному предмету. Художественное творчество может быть обозначено, как эстетическая фантазия. При этом следует иметь в виду, что фантазия не есть „наглядное представление“, а мышление, стремящееся заменить восприятие. В прениях было высказано несогласие с характеристикой творческого процесса, как пассивного, было указано на значение волевого фактора. Позиция докладчика казалась чересчур интеллектуалистической.

На соединенном заседании с группой по изучению творчества Врубеля (11/IV) Н. А. Черникова представила схему индивидуального анализа при составлении биографии Врубеля на основании психограммы, разработанной Маргисом, с распределением вопросов по следующим разделам: наследственность, влияние внешней среды, физическое и психическое развитие, интересы и идеалы, внешние и внутренние условия художественного творчества.

Данная работа Маргиса о творчестве Гофмана послужила предметом особого доклада Н. П. Ферстер, 25/V, представившей критические соображения по поводу психографического метода. В прениях указывался ряд положительных и отрицательных сторон изучения творчества как живых авторов, так и по сохранившимся записям и др. письменным материалам авторов, уже умерших.

В докладе на тему: „Проблема понимания чужой душевной жизни в искусстве“ (23/II) Г. И. Челпанов выставил следующие возможности понимания внутренней жизни в зависимости

от того, какими приемами мы пользуемся: или при помощи вчувствования, или при помощи представлений. Для объяснения переживаний чувствуемых эмоций известны в литературе две теории: представления и актуальности. Но кроме этой противоположности необходимо принять в соображение противоположность между представляемым и знаемым, между наглядным и ненаглядным. Во вчувствовании речь идет о представлении чувств, так как здесь мы имеем дело с сознанием предметности, а не сознанием состояния.

В своем докладе (9/III) на тему: „О мифотворчестве“ А. Ф. Лосев подверг критическому анализу основные теории мифа — солярно-материологическую, теорию позаимствования, демонологическую, антропологическую, психоаналитическую и теорию Вундта, а также новое исследование Кассирера. Докладчик настаивал, что единственно существенной методологией в изучении мифа является историческая диалектика мифа. В прениях указывалось, что докладчик находится лишь в преддверии тех проблем, которые могут специально интересовать комиссию, а именно — возможно ли поэтическое творчество без момента мифологического, можно ли создавать новый миф для творчества и т. п.

1/VI состоялся доклад В. Н. Ланиной на тему: „Психологический аспект и изображение личности в произведениях Достоевского“. По мнению докладчицы установка, в которой выявлены действующие лица литературного художественного произведения, выражает способ восприятия личности, и тем самым, мировоззрение автора, общественной группы, эпохи. Психологический аспект и способ изображения личности непосредственно связаны друг с другом и являются при этом признаками стиля произведений. В группе романов Достоевского, изложенных от лица рассказчика, герои, выступая как лица действующие, а не как пассивные участники событий, изображаются по преимуществу извне. В романе Достоевского, изложенном безлично „Преступление и наказание“, мы систематически проникаем в душевную жизнь героя, но переживания героя описываются при этом как не исчерпывающие всей внутренней жизни его. В произведениях, изложенных от лица героя, часто недовскрытость обусловлена чисто композиционными заданиями „Подросток“. В другой подгруппе „Записки из подполья“, „Объяснение Ипполита“ мы имеем систематический анализ внутренней жизни героя, являющегося основным заданием этих произведений. В прениях указывалось, что признаки (безличность, изложение от лица рассказчика и др.), по которым докладчица классифицировала произведение Достоевского, не соответствуют намеченным стилевым особенностям — недовскрытости внутренней жизни характеризуемых героев или, наоборот, полноты анализа личности.

За отчетный период группа по изучению художественного творчества душевно-больных собирала, классифицировала и изучала материал по творчеству душевно-больных. Помимо этого, руководитель группы П. И. Карпов, обработал обширный материал по творчеству заключенных, состоящий из рисунков, скульптуры и утилитарных вещей. Члены комиссии собирают анкетный материал среди выдающихся живых творцов, а также изучают биографии отошедших в историю творческих личностей. Работая ряд лет клиническим методом, П. И. Карпов выявил много аналогичных черт, свойственных как здоровому, так и патологическому творчеству, и в своей теории психотехники творческого процесса доказывает, что изучение этапов творчества и их теоретическое основание возможно лишь в том случае, когда они наблюдаются в клинике для душевно-больных, так как при этих условиях происходит диссоциация творческого процесса, благодаря чему создаются облегченные возможности для аналитического изучения данного процесса.

В отчетном периоде были заслушаны и обсуждены в заседаниях комиссии следующие доклады:

П. И. Карпов: „Рисунки заключенных“ (7/V). Многие из заключенных являются патологическими личностями, многие из них представляются незаурядными творцами в области художественного творчества. Творчество заключенных имеет некоторые специфические особенности, относящиеся к выявлению подробностей жизни заключенного. Много, что не приходит в голову свободному человеку, реализуется заключенным, доставляя последнему некоторое успокоение. Заключенный изображает подробности жизни в домах заключения, о которых не имеет представления свободный человек. Изучение творчества заключенных помогает проникнуть во внутреннее содержание последних, а потому оно представляет большой психологический интерес. Большинство заключенных являются патологическими типами, потому нет большой погрешности в рассматривании их творчества в данной группе.

В. Е. Беклемишева 1/II: „Двойная жизнь персонажей драматического произведения как отражение собственной жизни самого автора“. Докладчица разобрала произведения Леонида Андреева, в которых персонажи живут двойной жизнью, выявляя расщепление личности, что являлось отличительной чертой и самого автора.

А. М. Сац 13/II: „Конституция, личность и творчество И. Сац по его дневникам“. Докладчица произвела большую и кропотливую работу, изучая дневники И. Саца, написанные мелким, бисерным почерком; доказывала, что Сац являлся циклотимиком, и все его творчество несет на себе черты, свойственные данному заболеванию.

Н. Н. Виноградов (27/II): „Творчество Есенина“. Докладчик проработал произведения Есенина и связал их с периодами его жизни, благодаря чему большая личность поэта выявилась четко и выпукло.

Н. М. Костомарова (21/V): „Личность и творчество художника-декоратора Х“. Докладчица наблюдала и изучала заключенного и его творчество. Этот крестьянин-самородок имеет стойкую волю, является даровитым декоратором и патологической личностью, благодаря чему он и попал в дом заключения, где также усердно работает, как и дома.

В. Д. Измайльская (14/V): „Опыт анализа наследственности мышления“. Докладчица изучила семью Х, в которой особенности мышления передавались по наследству от отца к сыну, независимо от того, что дети воспитывались без отца.

За отчетный период в комиссии художественного воспитания была закончена работа по изучению художественного воспитания во Франции в эпоху Возрождения. Доклад Н. И. Раддига: „Художественное образование во Франции XVI в.“ слушался в четырех заседаниях 12/XII-27 г., 7/II, 20/II и 27/II-28 г. Он осветил разносторонне народный и придворный быт, ученые учреждения и школу. В докладе было показано, как перерождалась французская школа этой эпохи, под влиянием резких нападков, идущих от тех новых течений, которые завоевывали в это время права гражданства (По оценке Раблэ „средняя школа калечит детей. Высшая школа—рассадник рутины и педантов“), как идеал „универсального человека“ оказывается доминирующим. Особое место в докладе было уделено влиянию Ронсара и плеяды на художественную культуру Франции: обращение к родному языку вместо древних языков, культ поэзии и музыки, культ природы, выдающаяся роль женщины в художественной культуре Франции того времени. Последняя часть доклада была посвящена эпохе Контрреформации.

После этого комиссия перешла от исторических тем к темам систематическим. В этой области намечен узкий круг работы—вопрос о художественном слове, его воздействии и организации педагогической работы в этой области. Работа распадается на такие основные части: 1) доклады, посвященные вопросу о современном положении науки о языке, 2) переживание художественного слова взрослым и подростком, 3) значение литературного творчества подростков и 4) общие педагогические выводы.

Были прочитаны доклады—А. В. Чичерин (13/II): „Структура слова у Мессера“. Критически анализируя взгляды Мессера, докладчик отметил следующее: слово по Мессеру—материальный элемент, обладающий признаком значения. Поэтому Мессер в один ряд ставит слово слышимое, слово читаемое,

слово осязаемое (в книге для слепых), слово воспринимаемое мускульно (в процессе писания). В связи с этим и возникает у Мессера предположение о существовании бессловесной мысли. По мнению докладчика, звучащее слово переживается, как мыслительный акт, и потому занимает особое место, не соответствующее термину — знак (в понимании Мессера). Докладчику были сделаны ряд возражений, касающихся интерпретации Мессера и опровержение отдельных его положений.

А. К. Соловьева (5/III): „Стилистика Балби и изучение языка и литературы“. Докладчица излагает сущность метода Балби, указывая те пути применения его к русскому языку, которые он открывает. Метод заключается в изучении экспрессивных форм речи. Балби в своей книге *Traité de stylistique française* дает огромное разнообразие речевых выражений, воспитывающих чувство языка и обнаруживающих его богатство. При осуждении доклада, было отмечено, что метод Балби представляет одну несомненную опасность — может воспитываться разнообразная и все же мертвая, штампованная речь.

А. В. Чичерин (21/V): „Принципы литературного образования“. Докладчик дал обзор современной немецкой и французской литературы, посвященной вопросу об изучении литературы в школе. Особо отмечены в докладе внимательное отношение в немецкой школе к художественному тексту научных книг и крайности биографического метода при изучении литературы (подробный отчет в № 6 „Искусство в школе“.)

Работа комиссии близко соприкасалась с работой группы по изучению словесного творчества детей кабинета примитивного искусства. В задачи группы входит собрание и изучение образцов языка детей, подростков и юношей. Комиссия ставит своей задачей выяснение психологического и педагогического значения литературного творчества по заданию комиссии, в соответствии с ее планом, секретарем комиссии организована исследовательская работа в этой области при школе 7 опытной станции НКП.

В группе по изучению детского словесного творчества кабинета примитивного искусства за отчетный период прочитаны были следующие доклады:

А. М. Смирнов-Кутачевский: „Детский словесный фольклор“ (20/III). Докладчик познакомил с большим материалом, относящимся к таким формам устного творчества детей, которые приобретают некоторую форму — песни, прибаутки, поговорки, ритмично повторяемые слова.

Е. Ю. Шабад о книге: „*La pensée chez l'enfant*“ (31/V) и некоторых результатах работы по методу Пиажэ в Москве. Внимание Пиажэ направлено на изучение спонтанных явлений детской речи, т.-е. таких выражений, которые своим резким отличием от речи взрослого показывают, что они воз-

ники не под ее влиянием, а самобытно. (Напр.: „Кто рассердился, когда была буря“—„Почему река толстая“). Главными признаками спонтанной речи являются деформации суждений взрослого и „инструментальное“ понимание мира все в природе делается кем-то, с какой-то целью: „гром гремит, чтобы пугать“. Доклад вызвал оживленное обсуждение (подробный отчет в № 4 „Искусство в школе“).

А. В. Чичерин: „О методе изучения литературного творчества школьников“ (7/II). Докладчик предложил план исследовательской работы проводимой в 7 опытной станции НКПроса. План принят был с рядом замечаний и изменений.

И. М. Соловьев: „У истоков творческой работы слова“ (9/V). Доклад посвящен вопросу об изучении раннего творчества будущих писателей. При изучении могут быть использованы детские и юношеские литературные опыты, дневники. Косвенным материалом могут быть мемуары, историко-литературные указания и показания самих писателей. И. М. Соловьев предложил разработанную им анкету, обращенную к писателям.

Группа по экспериментальному изучению ритма. Работа второй половины академического года была отдана теоретической разработке ритма, согласно плану, намеченному в конце прошлого и начале текущего академического года. Кроме того был выдвинут вопрос об определении ритма в различных областях искусства. С этой целью президиум группы привлек членов музыкальной комиссии, изобразительных искусств, театральной, хореологической лаборатории для прочтения докладов. По теоретическому изучению ритма были прочитаны следующие доклады:

И. П. Четвериков: „Понятие ритма у Лабана“ (24/I). Докладчик систематизировал разрозненные высказывания автора, подчеркивая чисто эстетическое, с одной стороны, и, с другой стороны,—педагогическое понимание ритма у Лабана.

И. Н. Дьяков: „Проблема ритма у Бюхера“ (28/II). Докладчик приходит к выводу, что исследование Бюхера дает только ценный материал к проблеме ритма, но не решает эту проблему. Своеобразна в постановке вопроса Бюхером конкретность, приводящая к пониманию ритма как принципа экономического развития. Однако, самые понятия ритма и такта даны с явным упрощением. Под ритмом Бюхер понимает всякую размеренную многократность. Такт понимает как темп, т.-е. как быстроту чередования ритмических единиц.

Н. Г. Александрова: „Психологическое исследование ритма“ (15/III). Доклад посвящен анализу книги Фореля „Ритм“, рассматривающей ритм под углом зрения неврологии и невропатологии. Докладчица подчеркивает важность такого подхода: „Форель убежден, что при помощи ритма можно устранить

болезненные явления, привести человеческий организм к равновесию“.

А. Ф. Лосев: „О понятии и структуре ритма“ (20/III). Докладчик исследует понятие ритма вне его физиологической или психологической данности, как „чисто численную структуру, связанную, однако, со своим воплощением в континууме“.

М. А. Румер: „Понятие о ритме в современной немецкой эстетике“ (22/V), посвященный анализу докладов и прений специального конгресса.

Намеченные работы по определению ритма в различных областях искусства были выполнены только частично. Прочитаны были доклады:

Г. Э. Конюс: „Метр в музыкальном творчестве“ (6/III), основанный на анализе ряда произведений (Бетховена, Моцарта, Чайковского, Мендельсона) и устанавливающий специфические черты музыкального метра.

Н. С. Позняков: „Сравнительный анализ ритма пространственного и временного“ (8/IV). Доклад посвящен сопоставлению ритма и метра, и связи понятия формы с понятием ритма: „согласованное действие малых ритмов создает художественную форму“.

В Комиссии по восприятию пространства по примеру прошлых лет занятия были сосредоточены на отыскании при помощи экспериментально-психологических методов психо-физиологического объяснения красоты простейших пространственных форм: симметрии, пропорциональности, ритма, прямизны, кривизны и т. п. Найденные законы могут быть приложены к живописи и скульптуре для изучения правил композиции и в особенности широкое применение они могут иметь во всех областях архитектуры. Психо-физиологическое объяснение красоты простейших форм может послужить базой для общих законов эстетики. В комиссии читались доклады, разрабатывались планы и ставились экспериментальные исследования.

Были прочитаны следующие доклады:

Н. А. Черникова (1/III): „Теория проекции движений тела в произведениях изобразительного искусства“. Доклад указывает на уклонение современного искусствоведения от строго формального анализа и на привлечение психологического фактора к объяснению художественных явлений.

Е. С. Хинкис (26/IV): „Принципы эстетического расположения простых форм“. Результаты экспериментального исследования. Вопрос о факторах, определяющих расположение форм, составляющих части целого, является одним из основных вопросов композиции, и, следовательно, имеет значение для изобразительных искусств. Исследование обнаруживает

значительное преобладание прямых факторов — симметрии и равновесия.

П. Н. Каптерев (13/III): „О восприятии пространственных форм“. Одновременному зрительному восприятию обычно свойственно деформирование об'екта. Существуют индивидуальные коэффициенты деформации. Глаза настоящих художников-творцов деформируют всего сильнее, а глаза не специалистов „публики“ — всего менее.

А. Н. Залеская (10/V): „Формальный фактор в эстетическом впечатлении“. Формальный фактор в узком смысле проявляется в математической закономерности в расположении элементов. Следующими ступенями эстетического оформления являются динамическая закономерность, целесообразность и др.

О. Н. Никифорова (31/V): „Об об'ективности восприятия композиции картин“. Экспериментальное исследование имело в виду выяснить возможность фактической об'ективности восприятия композиции. Проблема взята в свете дифференциальной психологии. Полученные расхождения в восприятии и оценках объясняются различными типами восприятия испытуемых.

Философский разряд.

Во втором полугодии 1927/28 академического года философский разряд продолжал выполнение плана и поставленных им в начале года задач. Работа развернулась как в направлении экстенсификации, т.-е. связи с другими ячейками Г. А. Х. Н., так и интенсификации, т.-е. более углубленной проработки в ряде докладов некоторых основных тем. В этом полугодии было положено начало общественной совместной работе с социологическим разрядом и продолжалась, ранее установленная совместная деятельность с секциями пространственных искусств и литературной, с физико-психологическим разрядом и кино-кабинетом. Связь с социологическим разрядом выразилась, с одной стороны, в совместной работе по созданию словаря художественной терминологии, с другой, — через доклад В. П. Зубова на тему: „Проблема стиля в русской социологической эстетике XIX века“. Связь с секцией пространственных искусств воплотилась в регулярных кабинетно-лабораторных занятиях по теории живописи. Начав с вопроса составления схемы научного описания живописного памятника, эта группа перешла к более сложным проблемам теории живописи в связи с историей искусства. В результате накопленного лабораторного материала группа к осени предстоящего года предполагает, для пленарного академического заседания, подготовить результатный доклад. В дальнейшем намечено продолжение подобной же работы по отношению к архитектуре и скульптуре. Связь с литературной секцией осуществилась через доклад Л. В. Щербы на тему: „Принципы синтаксиса“ и отчасти через работу философского разряда по проблеме мифа. Совместная работа с физико-психологическим разрядом выразилась через доклады Г. И. Челпанова на тему: „Проблема понимания чужой, душевной жизни в искусстве“ и П. С. Попова на тему: „Творчество“. Об'единение с кино-кабинетом вылилось в дискуссию на тему: „Кино, как искусство“.

Более углубленная — интенсивная проработка сосредоточилась вокруг 3-х тем — проблемы мифа, проблемы кино и проблемы живописного образа. Кроме того группа философского разряда продолжала лабораторные занятия по архитектуре под руководством И. В. Желтовского. Задача этих занятий заключалась в том, чтобы через установление основных понятий архитектуры найти элементы архитектурного языка.

Работа комиссии и историко-терминологического кабинета развернулась в следующем виде:

Комиссия по общей теории искусства и эстетики. 24/1—был заслушан доклад А. Л. Сакетти на тему: „Миф, наука и искусство“. Докладчик развивал мысль, что миф, как предмет непосредственного опыта, есть сложная и неразличимая текучесть жизни — единств текучего и устойчивого, индивидуального и общего, суб'ективного и об'ективного. В противоположность мифу искусство лишь абстракция индивидуального образа. В прениях, однако, достаточно определено было выдвинуто положение, что точка зрения докладчика, несмотря на ее традиционность все же лишена предметной ясности.

2/II слушался доклад Л. В. Щерба на тему: „Принципы синтаксиса“. Докладчик останавливался, главным образом, на понятии синтагмы, которую он определял как со стороны фонической, так и логической. Со стороны фонической он различал три вида синтактических ударений — логическое, эмоциональное и ритмическое. С точки зрения логической — отрицал необходимость деления всякого суждения на суб'ект и предикат. В прениях по докладу указывалось на сужение понятия синтаксиса только пределами проблемы интонаций. Вводился вопрос о словосочетаниях, а также была попытка расширить схему докладчика и усложнить ее забытыми им проблемами теоретической и поэтической речи.

7/II, 14/II и 28/II — слушался и обсуждался доклад Н. Н. Волкова на тему: „Проблема живописного образа“. Докладчик в весьма обстоятельном сообщении выдвинул основные проблемы теории живописи, как-то — проблему выразительности, проблему внутренней фактуры, и проблему живописного изображения. В прениях была отмечена неясность некоторых терминов доклада, например „инактуальное“, „вселенная“, „чувственность“. „Внутреннюю фактуру“ было лучше рассмотреть в связи с общей проблематикой внутренних форм. Кроме того было отмечено, что доклад базировался, главным образом, на материале барокко, а потому фактурная строка подчеркивалась более резко, тогда как композиционной было уделено мало внимания.

6/III состоялся доклад А. К. Соловьевой на тему: „Смысл, значение, понятие, определение“. Доклад представлял собою критический анализ работы на ту же тему. В прениях по докладу были достаточно точно установлены границы тех достижений, к которым пришел Штенцель, как исследователь Фослера.

20/III и 27/III — был заслушан доклад Б. А. Фохта на тему: „Учение Кассирера о символе и мифе“. Докладчик пришел к выводу, что Кассирер в решении и постановке проблем

языка и символа отошел от своих прежних позиций и повернул в сторону феноменологического метода. Большинство оппонентов согласилось с этим утверждением, однако, результат этого прихода к феноменологическому методу толковали по-разному.

3/IV слушался доклад Б. Ю. Айхенвальда на тему: „Пути кинематографа“. Докладчик, признавая громадное значение кино, как культурного фактора, доказывал тезис, что кино не только не есть, но и не может быть искусством, так как претендуя на полное выражение социальной динамики, оно вместе с тем, лишенное слова, этой претензии выполнить не может. В прениях по докладу это положение решительно оспаривалось во всех пунктах.

Был заслушан доклад Н. И. Жинкина на тему: „Киноискусство событий“. Докладчик рассматривал кино в свете общей теории искусства и искал место этого, вновь появившегося искусства, в ряду других, давая сравнительную характеристику кино в отношении к живописи, литературе и театру. Он утверждал также, что кинематографичность как характеристика существовала до кинематографа. В прениях возражали как против основного тезиса, утверждающего наличность художественной формы в кино, так и против дополнительных и мало развитых в докладе замечаний, связанных с проблемой перенесения характеристик.

Историко-терминологический кабинет.

А. Терминологический раздел.

В пленарных заседаниях кабинета были заслушаны следующие терминологические статьи, сопровождаемые обстоятельными докладами.

19/I статья Б. А. Фохта: „Прогресс в искусстве“ — освещала этот термин исторически. Автор также пытался самостоятельно показать наличность прогресса в искусстве. Однако, в прениях было указано на то, что им не была достаточно учтена критическая литература по вопросу о социологии прогресса.

26/I был заслушан доклад и статья П. С. Попова на тему: „Творчество“. Статья ставила себе задачу подвести итоги современным учениям о художественном творчестве и указать применяемые здесь научные методы.

13/III происходило совместное заседание Кабинета с библиологическим отделом, на котором в связи с докладом А. И. Кондратьева были установлены принципы библиологической классификации литературы по общим вопросам искусствоведения.

15/III слушалась статья и доклад Б. А. Фохта: „Футуризм“. Докладчик ставил вопрос — является ли футуризм школой, течением или совокупностью определенных стилистических приемов. Автор становился на первую точку зрения. В прениях

многие оппоненты отстаивали вторую точку зрения и требовали более четкого разграничения понятий.

26/IV, 15/V и 24/V состоялись заседания, посвященные проблемам художественного времени. Основными докладчиками выступали: А. С. Ахманов и Р. И. Райнов. А. С. Ахмановым была также представлена статья „Время“. В результате интересных положений докладчиков и суждений аппонентов были выяснены основные черты и признаки времени различных типов — абстрактного, прагматического, художественного.

Кроме пленарных заседаний с докладами, кабинет проверил организационную и редакционную работу по созданию словаря художественной терминологии. В закрытых заседаниях происходило согласование и распределение статей. Кроме этого Кабинет продолжал работу по терминологической картотеке и составил обширный библиографический указатель, охватывающий литературу по основным вопросам искусствоведения (4628 карточек).

Исторический раздел.

17/I был прочитан доклад А. В. Бельского на тему: „Учение о мифе братьев А. и В. Шлегелей“. Основная задача доклада сводилась к тому, чтобы систематизировать взгляды Шлегелей и проследить их эволюцию. В прениях было указано на то, что докладчиком недостаточно четко выявлена конструкция построений Шлегелями понятия мифа.

31/I был заслушан доклад Н. Д. Виноградова на тему: „Учение Бэрка о природе возвышенного и прекрасного“. Доклад представлял собою разбор учения Бэрка на основе анализа его трактата „Философское исследование о происхождении наших идей о возвышенном и прекрасном“.

16/II слушался доклад В. П. Зубова на тему: „Природа романтизма“. Докладчик характеризовал некоторые черты романтизма: книжность и опосредственность представлений господство фантазии над реальностью, искусства (поэзии) над природой. В прениях были расширены суждения докладчика о романтизме и уточнены существенными моментами.

8/III был заслушан доклад А. Ф. Лосева на тему: „Филология и эстетика К. Аксакова“. Докладчик разбирал построения Аксаковской диалектики и рассматривал его филологические труды. В прениях указывалось на неполноту в освещении тех исторических влияний, которые обращались на К. Аксакова.

5/V слушался доклад А. В. Бельского на тему: „Эстетические воззрения Н. Н. Страхова“. В докладе было дано исследование взглядов Страхова в связи с общественной борьбой 60-х — 70-х годов.

10/V слушался доклад В. П. Зубова на тему: „Стиль в русской социологической эстетике XIX века“. На основе

обширного материала докладчик сгруппировал те общие суждения о стиле, которые можно найти в русских теоретических и практических работах первой половины XIX века.

17/V слушался доклад В. А. Сапожниковой на тему: „К вопросу о символическом иносказании в эпоху позднего средневековья“. Доклад исследовал эстетические учения Данте и Фомы Аквинского.

Литературная секция.

Выполняя задания своего производственного плана на 1928 г., Литературная секция за указанный период стремилась планомерно осуществлять в различных направлениях наметившуюся в ее занятиях общую тенденцию к переходу от системы докладов и дискуссий к конкретной производственной научной работе.

Это общее стремление секции, возникшее в самом процессе ее деятельности, проводилось в жизнь всеми ее ячейками по целому ряду научных тем и исследовательских заданий.

Развитие и рост Литературного кабинета при секции с двумя его отделами дал в первую очередь возможность осуществить ряд вспомогательных и подготовительных работ; таковы диаграммы по русской метрике, картотеки по фольклорным жанрам, словник для Отдела поэтики терминологического словаря, ряд подготовительных сводок по изучению звуковой структуры художественной речи, подробный организационный план по изучению частушек с применением точных методов вариационной статистики.

Обращение к большим коллективным работам, связанным отчасти с деятельностью Кабинета, также способствовало развитию лабораторной работы секции по собиранию, систематизации и описанию различных литературоведческих материалов. Сюда относятся работы по экспедиции фольклорной п/секции летом 1927 г. в классический былинный район, обследованный за столетие Рыбниковым и Гильфердингом; упомянутый план коллективного описания частушек, наконец, ряд работ по линии редакционно-издательской.

В плане этого общего направления работ секции многие доклады, заслушанные за отчетный период, носили характер фактических материалов, организационно-плановых сообщений для общих научных занятий или специальных подготовок к разрешению тех или иных вопросов (статистика, графика и пр.).

Но стремясь по возможности придать своим работам экспериментальный характер, Литературная секция не забыла и о своих больших общественных обязанностях. Опытная работа и научная продукция кабинетов не отвлекали ее от живой современной аудитории, волнуемой целым рядом литературных тем и художественных запросов. В истекшем году, как и в предшествующие академические периоды, Литературная секция

стремилась осуществить свои широкие научно-общественные обязанности, возлагаемые на нее как характером ее общей деятельности, так и живыми интересами текущей эпохи. Учитывая необходимость повышенных связей в наши дни академической науки с запросами современной жизни, Литературная секция прежде всего пристально следила за различными юбилейными или некрологическими датами, стремясь использовать их в целях исследовательской разработки выдвигаемых жизнью тем и фактов. Год больших литературных юбилеев — Толстого Некрасова, Горького — был в этом отношении широко использован. Отдельные вечера или целые циклы систематических докладов по указанным авторам, коллективные печатные задания, связанные с номинальными датами, заметно определяли направление секционных занятий. В плане этих работ Литературная секция в различных своих разделах систематически изучала и отдельных авторов: Пушкина, Достоевского, Толстого Блока.

В целях осуществления тех же общественно-научных заданий — секция неуклонно стремилась в своей работе соприкасаться с другими научными организациями как внутри Академии, так и во-вне. В этом отношении следует особо отметить сотрудничество Комиссии художественного перевода с Отделом изучения искусства национальностей СССР, обещающее ряд свежих и плодотворных результатов в общем плане изучения творчества народностей Союза.

В пленуме секции были заслушаны два доклада по Пушкину, П. Е. Щеголева: „Анонимные пасквили и враги Пушкина“ (3/X) и Ю. Г. Оксман: „Опыт пересмотра вопроса о лицейском кодексе Пушкина“ (28/XI). Особое заседание было посвящено обсуждению книги П. Н. Сакулина: „Русская литература“, вып. I, с двумя докладами Ю. М. Соколова и Н. К. Гудзия (7/V). Пленум заслушал также два эпизодических доклада — В. В. Сиповского: „Естествознание и русская литература 40-х — 60-х годов“ (16/I) и А. К. Виноградова о Стендале (26/III).

Теоретическая поэтика. Во 2 полугодии 1927/28 года в п/с. теоретической поэтики состоялось 10 заседаний. Доклады, заслушанные в п/с., можно разделить на 3 группы: 1) доклады, посвященные проблемам стиховедения, 2) доклады, посвященные проблеме стиля, 3) доклады, посвященные проблеме композиции.

Проблемам стиховедения посвящено было 4 доклада: доклад М. П. Штокмара (17/II): „Музыкальные теории русского стиха“, С. М. Бонди (30/III): „Школьные теории в современной науке о стихе“, Л. И. Тимофеева (20/IV): „Русский вольный стих XVIII в.“ и Л. В. Щерба (3/II): „Разбор стиха „Парус“. Доклад М. П. Штокмара представлял

собою критику музыкальных теорий как современных, так и возникших в XIX веке. Появление „музыкального подхода“ в стиховедении рассматривалось докладчиком, как попытка истолковать с точки зрения метрической стопы или западно-европейского такта: 1) русские подражания античным размерам, 2) русский народный стих, 3) „литературный“ (силлаботонический) стих.

Доклад С. М. Бонди посвящен был истории возникновения школьных метрических теорий, их критике и определению той роли, какую они играют в современном русском стиховедении.

В докладе Л. И. Тимофеева дана была строгообоснованная характеристика русского вольного стиха XVIII в.—его возникновение, классификация и развитие с 60-х гг. XVIII в. до начала XIX.

Л. В. Щерба, ограничившись лишь несколькими замечаниями стилистического характера, в своем докладе остановился главным образом на фонетическом анализе стихотворения Лермонтова „Парус“.

Проблеме стиля посвящено было 3 доклада — доклад В. В. Виноградова (20/I): „Теория драматической речи“, доклад Б. А. Грифцова (18/V): „Стиль Жироду“ и доклад А. В. Алпатова: „Стилистика Андрея Белого“ (25/V).

В докладе В. В. Виноградова была поставлена проблема драматической речи. Докладчик задался целью показать отличия диалога драматического от диалога повествовательного, взяв, в качестве материала для сравнения, повесть Леснова: „Левша“ и пьесу Замятина: „Блоха“, являющуюся переделкой означенной повести.

Б. А. Грифцов в своем докладе дал яркую характеристику стиля Жироду, иллюстрированную многочисленными примерами.

Характеризуя творчество Андрея Белого, А. В. Алпатов обратил главное внимание на определение Гоголевских истоков стиля Андрея Белого.

Проблеме композиции посвящено было 2 доклада — доклад Л. И. Тимофеева (2/III): „Тематическая композиция „Соловьиного сада“ Блока“ и А. Н. Соколова: „Композиция Евгения Онегина“ (16/III).

Л. И. Тимофеев, определив основные темы „Соловьиного сада“, условно обозначенные им, как темы А („Сад“) и тема Б („Труд“), в тщательно построенных, на основе статистического анализа, таблицах показал их качественное и количественное развитие в поэме Блока.

Разбив текст „Евгения Онегина“ на 234 компонента, А. Н. Соколов задался целью охарактеризовать композиционные особенности этого романа. Главное внимание уделено было докладчиком роли лирических отступлений и соотношению

моментов повествовательного и описательного в „Евгении Онегине“.

Помимо отмеченных докладов в объединенном заседании п/с. теоретической поэтики и комиссии художественного творчества заслушан был доклад В. Н. Ланиной (1/VI): „Психологический аспект и изображение личности у Достоевского“. Доклад В. Н. Ланиной, посвященный преимущественно проблемам психологического характера, оказался, однако, весьма интересным и для п/с. теоретической поэтики. Отличия в подходе к изображению личности героя рассматривались В. Н. Ланиной в тесной связи с отличиями в форме изложения (личного и безличного) свойственными различным произведениям Достоевского.

За время с 1 января по 15 июня 1928 г. в п/с. русской литературы состоялось 14 заседаний, на которых заслушано всего 16 докладов, из них 14 посвящено плановым темам (7 докладов — по изучению Л. Толстого, 2 — по изуч. Некрасова, 5 — по изуч. русского символизма) и 2 доклада — внеплановых.

13/I доклад И. Н. Розанова: „Из неопубликованной переписи Некрасова с В. П. Боткиным“. В докладе сообщалось и комментировалось 6 писем Некрасова к Б. П. Боткину с осени 1855 по весну 1856 г. (о первом знакомстве с Л. Толстым, данные к истории создания „Рудина“ Тургенева, обмен критическими отзывами о различных литературных произведениях).

2) Доклад В. О. Еланской: „Народно-поэтические источники поэмы Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“. Обращаясь к источникам устной народной поэзии, имевшимся в печати ко времени создания поэмы (Рыбников, Барсов, Шейн, Якушкин, Даль, Афанасьев, Варенцов) можно установить вполне реальное предположение, что влияние устной поэзии народа сказалось при создании „Пролога“ ко всей поэме особенно сильно при создании „Крестьянки“ и отчасти — „Пира на весь мир“. Заимствования подразделяются на 3 вида: 1) буквальная пересадка целых песен и отдельных выражений и слов, 2) виртуозная обработка народно-песенного текста с сильным сжатием или, наоборот, с широким развитием темы, и 3) нечто среднее между пересадкой и обработкой менее значительное сжатие песенного текста с отсечением и перестановкой отдельных стихов. Кроме того, в поэме рассыпаны пословицы, поговорки, приметы, почерпнутые, повидимому, у Даля.

27/I доклад И. Р. Эйгеса: „История одного эпизода из рассказа „Альберт“ Л. Толстого“. Эпизод предсмертного сна скрипача Альберта из рассказа Л. Толстого „Альберт“ оказывается вставленным (в приспособленном виде) отдельным произведением Л. Толстого: „Сон“. Хронологические данные делают это предположение возможным, а сравнение текстов вполне

оправдывает его. В результате этого включения возникает неорганичность, что заставляет признать предсмертный сон Альберта в вариантах (когда в рассказ еще не было вставлено отдельное произведение „Сон“) внутренне более соответствующим всему характеру героя и всему колориту рассказа. Именно, вместо чисто толстовского чувства стыда во сне за свою славу (как это имеется в печатном тексте) раньше был сон артиста и романтика о славе, любви, Италии. В наиболее законченном виде сон этот дан в части гранки „Современника“ (хранится в Рукописн. отд. Ленинск. библиотеки), набранной по рукописи, посланной Л. Толстым 26-го ноября 1857 г.

Доклад Б. В. Шапошникова: „Письма Е. М. Языковой о Пушкине“. В докладе использованы неопубликованные до сего времени материалы о пребывании Пушкина в Москве в 1836 г. Письма Е. М. Языковой позволяют установить новую дату в „Трудах и днях“ Пушкина 15 мая 1836 г. В этот день Пушкин был на „пятнице“ у Свербеевых, при чем известен и весь состав общества, бывшего на этой „пятнице“. Доклад сопровождался демонстрацией неопубликованной иконографии современников Пушкина, упоминаемых в письмах Е. М. Языковой.

10/II доклад А. К. Горностаева: „Лев Толстой и Н. Ф. Федорова“. По мнению докладчика, процесс кристаллизации мировоззрения Л. Толстого не может быть понят до конца без учета влияния Н. Ф. Федорова. На ряду с влечением Толстого к построениям „философии общего дела“ наблюдается, с другой стороны, постоянное пугливое отгораживание от них. Острые кажущегося разногласия обоих мыслителей сводилось к неодинаковой оценке ими смерти. Будучи не в силах целиком взять на себя ответственность за мысли никому неведомого „старика библиотекаря“, Толстой пытался продвинуть их в умы современников, но потерпел неудачу. Данный доклад вызвал существенные возражения, сводившиеся к тому, что значение Н. Ф. Федорова для истории духовного роста Толстого преувеличено.

24/II доклад И. В. Сергеевского: „Толстой и Карамзин (к вопросу о русской сентиментальной традиции в творчестве молодого Толстого)“. Выдвигаемое некоторыми современными литературоведами положение об исторической близости Толстого к Карамзину представляет собою вневременную, внепространственную аналогию, лишенную каких бы то ни было фактических предпосылок. Ко времени появления первых опытов Толстого, карамзинская традиция находилась уже в состоянии полного упадка и никакого живого значения в литературной современности не имела; какого-либо особого интереса к карамзинской эпохе у Толстого не находим; поэтика того и другого строится на современно различных несоотносимых принципах. Если же некоторые элементы сентиментализма и

наблюдаются в творчестве Толстого, то генетически они целиком восходят к соответствующим течениям западно-европейской литературы.

9/III доклад Б. В. Михайловского: „Роли лейтмотивов в искусстве русского символизма“. В эволюции русского символизма различимы фазы: декадентско-импрессионистская и собственно-символистская. Для последней одним из признаков, конституирующих стиль, является: ведение основного смыслового движения в плане не сюжетной, тематической композиции; движение этого осуществляется в системе развития и борьбы лейтмотивов—характерных, повторяющихся в вариациях своего словесно-образно-сюжетного выражения комплексов, обладающих единством смыслового значения, независимо от сюжетных функций его элементов. Элементы комплекса становятся носителями всей полноты его смысла, незаключенного в их непосредственном значении. Замещение всего комплекса отдельным элементом образует „имманентную символику“ поэтического произведения. Развитие темы в системе лейтмотивов, нарушающее часто сюжетную прагматику, является в символизме способом тотального оформления смыслового ряда вне средств логизированного выражения.

23/III доклад П. А. Жукова: „Основной миф С. Клычкова (к вопросу о судьбах русского символизма)“. В творчестве Клычкова мы находим исключительное мифологическое восприятие действительности. В его творческом пути повторяется заявленный в истории русского символизма ход диалектического развития: теза символизма—первоначальный миф Клычкова, антитеза—распад мифа, синтез—основной миф Клычкова. В эпопею обнаруживается диалектическое напряжение основного мифа: подспудный нормативный миф, заключающий монистическое понимание мира, и конкретный миф, выражающий дуалистическое восприятие мира через текущую человеческую действительность. Патетическое напряжение мифа Клычкова сводится к мотиву мировой скорби. Клычков тяготеет к высокому стилю (эпические циклы, эпопея, роман мистерия) и к примитивизму. Констатированные в творчестве С. Клычкова признаки (мифотворчество, тяготение к высокому стилю и простоте выражения) соответствуют синтетическому символизму, принимающему уже характер большого народного искусства.

6/IV доклад В. Д. Измайловской: „Врубель в творчестве Блока“ (заседание, соединенное с Комиссией по изучению творчества А. Блока и с группой по изучению творчества Врубеля при Кабинете СПИ).

23/IV доклад Б. М. Эйхенбаума: „Из книги о Толстом“. Доклад обнимал две главы из готовящейся к печати работы о Л. Толстом: а) „Гражданская война в „Современнике“, б) „Толстой на гражданском фронте“.

27/IV доклад В. Е. Беклемишевой: „Леонид Андреев и символизм“. В неизданном письме к А. В. Амфитеатрову Л. Андреев говорит, что он „никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма“. О раннем понимании Л. Андреевым символизма говорит его статья о постановке: „Когда мы мертвые пробуждаемся“ Ибсена в МХАТе (1901). В период до конца 1907 г. отдельные символисты и сам Л. Андреев пытались найти пути к установлению их общности. Однако попытки эти ни к чему не привели и Л. Андреев остался вне символизма. Символисты (Вяч. Иванов, Андрей Белый, А. Блок) были люди другой социальной среды, другой культуры. Л. Андреева, в свою очередь, отчуждал от символистов их эстетизм и их оторванность от жизни.

3/V доклад И. Р. Эйгеса: „Музыка в произведениях Л. Толстого“ (заседание, соединенное с пленумом Музыкальной секции). Докладчик подверг подробному анализу воззрения Льва Толстого на музыку. Воззрения эти обнаруживают, что Толстой глубоко сознавал всю серьезность музыкальной проблемы и нередко становился на точку зрения подлинно-музыкального создания.

7/V доклады Н. К. Гудзия и Ю. М. Соколова: „О книге П. Н. Сакулина „Русская Литература. Часть I“ (заседание, соединенное с фольклорной подсекцией), реферируется дальше.

25/V доклад А. В. Алпатова: „Стиль Андрея Белого был в связи с гоголевской традицией“ (заседание, соединенное с п/секцией теоретической поэтики, см. выше). Докладчиком привлечен обширный материал, характеризующий связь А. Белого в „Серебряном Голубе“ с гоголевской художественной манерой. Ярким воздействием Гоголя отмечены, по мнению докладчика, сказовые места романа, восходящие по своей организации к повествовательным формам рассказчиков из „Миргорода“ и „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. Формы патетической речи, лирические места, риторические описания „Серебряного Голубя“ в отдельных своих проявлениях также свидетельствуют о гоголевских истоках. Портретные описания Гоголя, гротескные „вещные“ портреты даются у Белого, однако, явно осложненными и это позволяет говорить о своеобразном творческом усвоении гоголевской стилистики Белым.

8/VI доклад В. Ф. Саводника: „Первый драматический опыт Л. Толстого — комедия „Зараженное семейство“. Докладчик сообщил неопубликованную речь Л. Толстого, произнесенную 4-го февраля 1859 г. в О-ве Люб. рос. словесности, и отрывки из (также неопубликованной) комедии „Зараженное семейство“, представляющей интерес для характеристики воззрений Л. Толстого на общественное движение 60-х гг.

15/VI доклад Л. Г. Якобсона: „Толстой и Руссо“, освещал взаимоотношение обоих писателей на основе их

философских несогласий, объясняемых их различным социальным происхождением.

За отчетный период в фольклорной п/с. состоялось 10 заседаний, из которых три были организованы совместно с другими отделами и ячейками Г. А. Х. Н., а именно: одно заседание — совместно с Научно-показательным отделом и два заседания — совместно с Кабинетом теоретической поэтики.

На заседаниях фольклорной п/секции были заслушаны следующие 15 докладов:

23/I—доклад О. Э. Озаровской: „Мысли и наблюдения собирателя Северного фольклора“ (очерки быта северных сказителей, иллюстрированные рядом неопубликованных еще песен и сказок).

6/II—доклад Ю. А. Самарина на тему: „Анализ психологии сказателей былин Кижского района“, ряд портретов современных деревенских сказителей. В тот же день состоялся доклад А. М. Смирнова-Кутачевского: „Песенно-сатирические мотивы современной деревни“, обзор сатирических мотивов в сказках, частушках, песнях и индивидуально-поэтическом творчестве современной деревни.

20/II—доклад П. И. Калецкого на тему: „Старина о двух любовниках“, попытка установить историческую основу этой старины. В тот же день: сообщение Р. О. Шор на тему: „Параллели сборника Перси к сказке о Моряшке“, попытка установить книжную традицию названной сказки.

27/II—доклад Н. М. Элиаш на тему: „Фольклорная работа в Ленинградских организациях“.

2/IV—доклад Б. И. Ярхо на тему: „Коллективное изучение частушек“—программа формального анализа частушки с демонстрацией ряда схем и диаграмм.

14/V—сообщение т. Мирера о результатах его поездки в местечко Леди (Белоруссия) и характеристика собранного им еврейского фольклора (сказки, легенды, свадебные прибаутки).

28/V—доклад С. Ф. Елеонского: „Отражение Пугачевской легенды в современной беллетристике“ (параллель народного предания о Пугачевских казнях и рассказа Мариетты Шагинян „Вагон“). На том же заседании были заслушаны доклад Б. И. Ярхо: „К вопросу об изучении частушек“ (дополнения к предыдущему докладу и демонстрация ряда схем логико-синтактической структуры частушки) и доклад Р. О. Шор: „К технике прозаизации древне-индийской сказки“ (взаимоотношения прозаических и стихотворных версий сборника „Двадцать пять рассказов Ветали“ на материале одной из сказок).

В заседаниях, организованных совместно с Кабинетом теоретической поэтики были заслушаны доклады: Н. И. Кравцова на тему: „Символика птиц в русских лирических песнях“

(по сборнику Соболевского) и Е. А. Дроздовской на тему: „Символика птиц в русских лирических песнях“ (по сборнику Шейна)“ (11/V).

Совместно с Научно-показательным отделом 6/IV п/секцией был организован по инициативе О. Э. Озаровской вечер памяти Орины Родионовны (к столетию со дня смерти няни Пушкина) со вступительным словом Ю. М. Соколова.

За отчетный период в подсекции всеобщей литературы состоялось двенадцать заседаний, на которых были заслушаны восемь докладов; три заседания были посвящены анализу статей для словаря терминов (Б. В. Горнунга, В. А. Сапожниковой, С. В. Шервинского и А. Я. Шабад) и одно заседание носило организационный характер.

Часть докладов была посвящена современной литературе. Е. Л. Ланн в докладе: „Вальдо Фрэнк — вождь молодой Америки“ (25/I) охарактеризовал постановку проблемы американской культуры в его романах, композиционные их особенности, фрейдянский их психологизм, а также соотношения творчества писателя с творчеством Жюль Ромэна.

Доклад И. А. Кашкина: „Литература Северо-Американских С. Ш.“ (21/IV) носил общий характер.

А. Я. Шабад: в докладе „Пути творчества Андре Жида“ 25/IV осветил мировоззрение писателя, как культ индивидуума, различные периоды творчества Жида (философский эстетизм, психологический реализм и фабульность, синтетическое выражение творческих принципов) и жанровые группы его произведений.

Другая группа докладов была посвящена французскому реализму и натурализму. М. Д. Эйхенгольц в докладе о „Сатирическом жанре Флобера“ 13/VI произвел анализ типа мелкого буржуа в „Буваре и Пекюше“ и „Лексиконе прописных истин“, и установил формальные приемы Флобера применительно к его социальной сатире.

В докладе о „Художественном методе Э. Золя“ 13/VI, В. А. Дынный определила соотношение натуралистических приемов творчества Золя и романтической традиции у него, наконец, М. Д. Эйхенгольц, на основании работы над рукописями Э. Золя, охарактеризовал в докладе: „К творческой истории произведений Э. Золя“ категории рукописных материалов Золя, определяющих технику его работы и дающих возможность правильной оценки соотношения биологического и социального момента в его тематике, а также работы его над формой (тот же день).

Комиссия художественного перевода в весеннем семестре 1927/28 академического года имела 9 заседаний, из которых 8 были посвящены научным докладам и одна выработке правил конкурса перевода на русский язык французских

писем Пушкина. Большинство докладов сопровождалось чтением переводов, сделанных докладчиками, а два доклада (Д. С. Усова и Б. В. Горнунга) были посвящены теории художественного перевода. Особо должна быть отмечена работа комиссии совместно с Отделом Искусств Народностей СССР по подготовке изданий переводов произведений художественной литературы отдельных народностей Союза, согласно заданию Президиума Литературной секции Г.А.Х.Н.

На заседании 19 I был заслушан доклад В. А. Е щ и н а: „Переводы „итальянских“ сонетов Барбье“. При обсуждении переводов, сделанных докладчиком, было отмечено, что на ряду с большой точностью и изяществом его переводов в них проявляется тенденция к смягчению языка и образов подлинника, отличающихся у Барбье большой насыщенностью и яркостью.

23 II был заслушан доклад Н. Н. Соколовой: „Бен-Джонсон и Варфоломеевская ярмарка“. Оппонентами было указано, что стремление переводчицы к „точности“ делает перевод ее тяжелым и мало пригодным для исполнения на сцене. Принципы, которым следовала переводчица, кроме того, не всегда в достаточной мере ясны и убедительны.

Следующие 2 заседания Комиссии (22 III и 19 IV) были посвящены докладам М. Т. Маркелова: „Опыты переводов мордовских поэтических текстов“ и К. П. Герда: „Принципы перевода с вотского языка на русский и с русского на вотский язык“. Оба доклада дали комиссии чрезвычайно ценный материал для суждения о художественной литературе на указанных языках и о принципах переводов с этих языков. Ряд переводов отдельных произведений был намечен к изданию в специальных сборниках.

В заседании 26 IV доклад И. К. Линдемана: „Русские переводы французских писем Пушкина“ вызвал оживленный обмен мнений о принципах перевода писем, в связи с чем дебатировался вопрос о необходимости составления Пушкинского глоссария. Дальнейшее обсуждение принципов перевода Пушкинских писем было перенесено на заседания Комиссии 24 V и 1 VI.

В заседании 3 V был заслушан доклад Д. С. Усова: „Из новейшей литературы по теории перевода“, посвященный рассмотрению проблемы художественного перевода в трактовке В. Н. Державина. Основными недостатками работы Державина, появившимися в сокращенном виде в харьковском журнале „Плужанин“ 1927 г. № 9—10, являются, по мнению докладчика, известная абстрактность ее, парадоксальность утверждений о переводе—стилизации и неразличение перевода стихотворного от перевода художественной прозы. Значительными достоинствами—отчетливая систематизация и классификация различных высказываний о переводе и ряд прямых указаний, которые могут

быть восприняты и разработаны практикой переводного дела. В заседании 10/V был заслушан доклад А. Е. Охитовича: „Германия“ Гейне в новом русском переводе“. При обсуждении доклада был отмечен, как главное достоинство перевода, его легкий и свежий язык, иногда, однако, злоупотребляющий особенностями современной лексики. Ряд замечаний был сделан и относительно метрической стороны перевода.

В заседании 24/V был заслушан доклад Б. В. Горнунга: „Проблематика перевода“, в котором докладчик разбирает понятие художественного перевода и перевода филологического и указывает на абсурдность идеи нормативной теории перевода. Идеалом перевода, по мнению докладчика надо считать сочетание объективной интерпретации с качеством художественности. В заседании 1/VI обсуждался список работ членов комиссии, предполагаемых к напечатанию в сборнике комиссии по изучению переводов Государственного Института Истории Искусств (ГИИИ). Кроме того был выработан проект условий конкурса на перевод французских писем Пушкина.

Комиссия по изучению Достоевского имела шесть научных заседаний. 5 I был заслушан доклад А. С. Долинина: „Эпистолярное наследие Достоевского“. А. С. Долинин выяснил неточности прежних публикаций писем Достоевского и познакомил с планом нового, критически проверенного, издания собрания писем. Долинин пытался также на основании изученного им эпистолярного материала начертать план идеологической системы главных романов Достоевского.

16/II состоялся доклад А. Т. Цейтлина на тему: „Достоевский и Гюго“. По мнению докладчика, классовая база в эпоху шестидесятых годов у Достоевского и Гюго была одна и та же. Обоих романистов характеризовало резко отрицательное отношение к крупной буржуазии и аристократии, а с другой стороны, отсутствие интереса к крестьянству и пролетариату. Любимыми героями обоих писателей является мелкая буржуазия столиц и близкое к общественному „дну“ мещанство. Оба писателя шли близкими, но обособленными творческими путями. Социологизм Гюго и психологизм Достоевского были естественными методами художественного творчества близких классовых групп, находящихся в разных социальных условиях.

29 III состоялся доклад Г. И. Чулкова на тему: „Критическое и органическое в художественной диалектике Достоевского“. Исходя из положения, что диалектика есть метод, который стремится охватить всю сложность бытия и рассматривает его как живое целое, докладчик доказывает, что диалектика Достоевского нашла свое выражение не только в его

художественном творчестве, но и в его сознании. Он осознал себя как „реалиста в высшем смысле“. В художественной диалектике Достоевского, по мнению докладчика, критическое начало и начало органическое нашли свое синтетическое и символическое разрешение.

19/IV был заслушан доклад В. С. Любимовой на тему: „Достоевский и обличители 60-х годов“. По мысли докладчицы, отношение Достоевского к „обличительству“ сказалось как в художественном, так и публицистическом плане. В художественном плане оно нашло себе выражение в пародии и карикатуре. Докладчица иллюстрирует свою мысль многочисленными сличениями текста Достоевского с современными ему журнальными и газетными статьями обличительного жанра.

10/V состоялось заседание Комиссии с докладом В. В. Виноградова: „Последний день приговоренного к смерти“ Гюго и Достоевский“. Докладчик приводит ряд совпадений в рассказе Гюго и различных произведениях Достоевского. Эти совпадения его интересуют с точки зрения законов движения литературных форм. Один и тот же материал занимал внимание авторов в 30-х и 60-х годах, но разрабатывался иначе. Наблюдается как бы возрождение и вымирание литературных форм, нарушающих своими законами индивидуальное единство стиля отдельных авторов.

17/V был заслушан доклад В. Е. Петухова: „Достоевский и Суслова“. Докладчик изложил историю отношений Достоевского к А. П. Сусловой, собрав весь известный по этому вопросу материал. В центре доклада В. Е. Петухов поставил еще неопубликованное письмо Достоевского к сестре Сусловой, важное для характеристики его отношений к Ап. Пр. Сусловой. Кроме того докладчик поделился сведениями о последних годах жизни А. П. Сусловой, собранными им в Севастополе.

Из текущих работ Комиссии необходимо отметить продолжение занятий в пяти планах: во-первых, по собиранию материалов для хронологической канвы биографии Достоевского под руководством Л. П. Гроссмана; во-вторых, по обзору новой западно-европейской литературы о Достоевском, чем специально занимается Ф. Ф. Бережков; в-третьих, по изучению газет и журналов, современных Достоевскому, поскольку их содержание касалось, так или иначе, интересов изучаемого писателя, чем занята научная сотрудница В. С. Любимова; в-четвертых, по собиранию музейных экспонатов для мемориального музея им. Достоевского при больнице, чем занимается секретарь Комиссии В. С. Нечаева; и, в-пятых,—по подготовке к печати второго сборника трудов Комиссии Достоевского.

Во втором полугодии 1927/28 акад. года Комиссия Живого Слова имела 9 докладов, из коих три иллюстрируемые

исполнением (доклады Ю. Г. Перель, О. Э. Озаровской и Ф. И. Коган) и один—подробно разработанными диаграммами (доклад М. П. Малишевского), 2 вечера декламации с последующим обсуждением исполнения (арт. В. Н. Яхонтова и поэта И. С. Рукавишникова), вечер памяти А. С. Пушкина, 2 показа лабораторных работ Комиссии Живого Слова по декламации (под руководством С. В. Шервинского и М. С. Чуйко) и 4 порядительных заседания.

Хронологически работа комиссии проходила в следующем порядке:

3/I состоялся доклад Ю. Г. Перель на тему: „Анализ новеллы Чехова в связи с ее исполнением“. Доклад иллюстрировался исполнением Чеховских рассказов Т. Я. Воронцовой, Н. Д. Перелешиной и М. А. Тарнопольской.

24/I была показана работа арт. В. Н. Яхонтова по декламации и т. наз. литмонтажу (отрывки из вечера Ленина, Пушкина, чтение протоколов, документов, писем и т. д.). По исполнении комиссия провела анализ исполнения.

7/II Ф. И. Коган и М. П. Малишевский сделали доклад на тему: „Проблема рецитации поэтов и напевный стих И. С. Рукавишникова“. Поэт И. С. Рукавишников прочел ряд своих стихотворений, после коих комиссией был произведен анализ его исполнительской манеры.

11/II состоялся Пушкинский вечер (вечер памяти А. С. Пушкина), в коем обязаны были принять участие все присутствующие на вечере. Первое отделение состояло из произведений, относящихся к 1928 г.

6/III состоялся доклад И. Я. Блинова на тему: „Принципы системы Волконского“ с подробным изложением и анализом художественных взглядов С. М. Волконского.

20/III был заслушан доклад И. М. Альтшулер на тему: „Психология судебного красноречия“.

3/IV доклад Е. Г. Адамовой: „Опыты по рассказыванию в трудных аудиториях“ (беспризорники, дефективные дети и др.).

10/IV М. П. Малишевский сделал доклад на тему: „Опыт предварительной нотации поэтического текста“, иллюстрируя доклад большим количеством проработанных им формул.

24/IV Комиссией совместно с Секцией теоретической поэтики был заслушан доклад О. Э. Озаровской на тему: „Ритмическая проза“. После доклада О. Э. Озаровская, М. С. Чуйко и Е. Г. Спендиарова исполнили ряд молитв, причетов и художественных отрывков, как образцов ритмической прозы.

8/V Б. И. Сыромятников сделал доклад на тему: „Чехов, — как собеседник и рассказчик“.

10/V была показана лабораторная работа С. В. Шервилского с сотрудниками комиссии по камерному произнесению стихов. Для работы были взяты произведения поэтов начала XX века (Брюсов, Белый, Блок, Волошин, Иванов, Кузмин, Сологуб, Чулков). После показа работы, комиссия произвела анализ манеры исполнения стиха.

22/V Ф. И. Коган сделал доклад на тему: „Ритм, как основа произнесения литер. произведений“. Доклад сопровождался иллюстративным исполнением Т. Я. Воронцовой, Е. Ф. Зелинской, Г. Е. Иванинской, Е. Г. Мадиевской и А. В. Шнейдер.

28/V была показана лабораторная работа М. С. Чуйко с сотрудниками комиссии по камерной декламации и по выявлению литературного стиля. После вступительного доклада М. С. Чуйко были исполнены сотрудниками различные произведения Маяковского, Хлебникова и Пастернака. После исполнения комиссия произвела анализ показаний работы.

15/V А. К. Шнейдер прочел доклад на тему: „Очередные задачи изучения ораторского искусства“. После доклада состоялось организационное заседание по разработке плана занятий по ораторскому искусству.

Комиссия по изучению творчества А. Блока продолжала осуществление ранее намеченного плана изучения жизни и творчества А. Блока, по следующим направлениям:

1. Изучение биографии А. Блока.
 2. Историко - литературное изучение и социологический анализ творчества А. Блока.
 3. Изучение истории рукописных и печатных текстов Блока.
 4. Формальный анализ стиха Блока.
 5. Библиография произведений Блока и литературы о нем.
- За время с 1 января по 5 июня 1928 г. состоялось 9 заседаний комиссии.

На заседании 12/I были зачитаны неопубликованные письма А. Блока к Е. П. Иванову за 1904—1906 гг. Во вступительном слове Е. Ф. Книпович отметила, что в зачитываемых письмах, адресованных к ближайшему другу поэта, отразились настроения периода перелома от „Стихов о прекрасной Даме“ к „Нечаянной Радости“, связанные с революцией 1905 г.

Заседание 16/II было посвящено докладу Н. Г. Булычева: „Проблема двойника в творчестве Блока“.

На заседании 1/III В. В. Гольцев зачитал доклад: „Проблема музыки у Блока“, в котором утверждал, что „музыка“ дала Блоку общее направление мыслей, составлявшее основу его философского понимания. Революция была для Блока „музыкальной бурей“, новым стихийным движением, родившимся из духа музыки. Художник, с точки зрения Блока, должен приобщиться к музыкальной стихии, и привести различные в ней звуки в гармонию.

На заседании 15/III был заслушан доклад Ю. Г. Переля: „Россия и Запад в толковании Вл. Соловьева и А. Блока“, в котором отмечалось различие толкования Соловьевым и Блоком темы России, ее исторической миссии и грядущих судеб. В отличие от Соловьева, воспринимавшего Россию, как союзника Европы в ее грядущей борьбе с Востоком, Блок приписывал России созидательную роль обновителя мировой культуры.

6. IV состоялось соединенное заседание комиссии с секцией истории русской литературы, Лит. секции Г. А. Х. Н. и группой по изучению Врубеля С П И — посвященное докладу В. Д. Измайльской: „Отражение Врубеля в творчестве Блока“.

На заседании 10 V Я. С. Бирманом был зачитан доклад: „Рифма Блока“, выводом которого явилось утверждение, что рифма зрелого Блока — есть традиционная рифма русской классической поэзии.

На заседании 17 V П. А. Журов зачитал доклад: „Блок и Клычков“, в котором подчеркивал некоторое влияние Блока на творчество раннего Клычкова.

Заседания от 31 V и 7 VI были посвящены докладу Э. М. Блюма: „Блок в революционные годы (1918 — 1921)“. Докладчик утверждал, что Блок последнего периода (после „Двенадцати“) воспринят критикой и читательской массой лишь на основании воспоминаний о поэте, тенденциозно искажающих подлинного Блока, выдающих случайное в Блоке за основное, и приводящих к выводу о якобы совершившемся разочаровании Блока в революции. Тексты Блока этого периода (дневники, речи, статьи и пр.), оставшиеся вне поля зрения большинства исследователей, и приведенные фактические данные дают возможность опровергнуть ряд опорных пунктов воспоминаний, и приводят к совершенно противоположным выводам. Основное устремление Блока последнего периода целиком соответствует одному из лозунгов эпохи: „Приобщение масс к культурным ценностям“. Работу Блока в литературно-художественной комиссии НКПроса, в ТЕО, в Бол. драм. театре и главным образом в союзе поэтов (который был организован самим Блоком, видевшем в нем путь к установлению более тесной связи между поэзией и современной жизнью масс) ни в коем случае нельзя рассматривать только как стремление к материальной обеспеченности, как это представляют некоторые соратники Блока. Т. н. „трагедия Блока“ заключается не в том, что Блок, рванувшись к революции в ее „стихийный“ период, впоследствии будто бы отказался от нее, а в том, что устремления Блока, не изменившего своего отношения к революции в основном совпадали с устремлениями революции, в которую он не пошел, и совершенно не соответствовали

устремлениям и действиям той среды, в которой Блок вращался.

В распоряжение комиссии поступила библиотека А. Блока, находящаяся в имении Шахматово. Членами комиссии велась работа по описанию библиотеки.

Помимо этого комиссией продолжалась работа по составлению: 1) хронологической канвы жизни и творчества А. Блока и 2) исчерпывающей библиографии произведений А. Блока и литературы о нем.

Театральная секция.

Отчетный период в деятельности Театральной секции должен быть отмечен, как период новых начинаний. Желая завязать более тесные связи с различными группами театральной общественности, секция приступила к осуществлению особых расширенных заседаний, на которых обсуждаются проблемы текущего театрального строительства.

Так, один из пленумов секции был посвящен принципиальному докладу П. М. Керженцева: „Культурная революция и задача театра“ (27/II). Докладчиком был сделан ряд предложений по линии реконструкции современного профессионального театра с точки зрения задач социалистического строительства.

Постановка „Горя от ума“ в театре им. Мейерхольда побудила секцию устроить, совместно с Ассоциацией театральных критиков, предварительное заседание (7/III), на котором Н. К. Пиксанов сделал доклад по истории текстов „Горя от ума“, а В. А. Филиппов — о сценической истории комедии. После того, как „Горе уму“ прошло в ТИМ'е, секция устроила снова расширенное заседание, привлечшее большое число публики (19/III), на котором Н. К. Пиксанов сделал разбор постановки.

Приезд в Москву членов разряда истории театра Государственного института, истории искусства А. А. Гвоздева, А. Л. Слонимского, В. Н. Соловьева и С. С. Мокульского побудил театральную секцию устроить совместное заседание для обмена мнений по текущим задачам театроведения и для установления возможности общей и согласованной работы (13/III). Кроме того, одним из членов ГИИИ, С. С. Мокульским был сделан в пленуме секции доклад на тему: „Сценическое оформление во Франции накануне классицизма“ (13/III).

Юбилей М. Горького также был отмечен Театральной секцией устройством специального открытого пленума. Программа юбилейного вечера была составлена из докладов Н. Л. Бродского о Горьком, как театральном критике и актере; П. А. Маркова о постановке „Детей Солнца“ в Московском Художественном театре по материалам театрального архива. Наконец, А. Л. Вишневский поделился своими воспоминаниями о встрече с Горьким (31/III).

Приезд в Москву председателя Международного театрального объединения и директора театра Одеон Фирмена Жемье, побудил Театральную секцию заслушать в специальном заседании доклад участника первого конгресса С. Ф. Иконникова о принципах и задачах всемирного театрального объединения и о результатах первого конгресса и фестиваля (13/II).

Одной из основных задач Театральной секции было также устройство выставки „Московские театры октябрьского десятилетия“, открытой 20-го апреля в помещении Государственного театрального музея им. А. Бахрушина. В виду того, что в выставочном комитете, организованном на паритетном начале Театральной секцией и музеем, приняли участие почти все члены п.секции Истории, эта выставка одновременно явилась и главной работой данной п.секции, почти не оставив времени для осуществления других задач. Так как на выставке особое место было отведено отделу Самодеятельного театра, чрезвычайно трудному по своему осуществлению, в организацию выставки была также вовлечена Комиссия Революционного театра, взявшая на себя осуществление этого отдела.

Работавшая при Исторической п.с. Грибоедовская группа все же успела провести доклады: В. А. Филиппова, посвященный первым постановкам „Горя от ума“ в Малом театре и Н. Л. Бродского—„Ранним отголоскам комедии Грибоедова“, а группа по изучению крепостного театра—доклад В. А. Дынник на тему: „Топографическое и хронологическое распределение крепостного театра в России“.

Комиссия революционного театра в истекшем полугодии успела еще подвести итоги по учету октябрьских торжеств и устроила (24/II) совместно с кабинетом художественной агитации и пропаганды доклад П. М. Якобсона: „Проблема учета массовых празднеств“. Кроме того, комиссия, в лице ее председателя, А. М. Родионова принимала участие в работах конкурсного жюри на Межсоюзных состязаниях клубных театральных кружков, организованных МГСПС.

П.секция психологии сценического творчества вела свою работу в двух направлениях. С одной стороны, в докладе Л. С. Выготского: „К изучению психологии творчества актера“ (23/I) был поставлен ряд методологических проблем, связанных с определением границ и методов психологического изучения сценического творчества. С другой—п.секция вела конкретное изучение отдельных актеров, для выяснения характера творческого процесса. Так, В. П. Дитиненко в двух докладах (31 I и 7/II) сообщила о результате своего

исследования сценических методов и техники М. А. Чехова, а С. Г. Кара-Мурза (10/I) дал характеристику личности и творчества Мамонта Дальского, как представителя определенной системы актерской игры.

Работа анкетных методов заставила п/секцию заняться пересмотром существующих анкет для того, чтобы она могла стать основой коллективной исследовательской работы. На эту работу ушло 8 заседаний п/секции.

П/секция теории вела работу по проблематике фиксации спектакля путем физико-психологических методов и путем записи из зрительного зала. В этих целях были заслушаны доклады С. Н. Беляевой: „Сравнительное описание актерского исполнения“ (23/II), Л. А. Склера: „Опыт описания целой роли“ (23/II), Б. М. Теплова: „Выработка методов ритмического анализа видимой стороны актерского исполнения“ (5/III). Для того, чтобы получить материал по записи из зрительного зала, было дано специальное задание временному сотруднику Ю. С. Бобылеву произвести запись режиссерских мизансцен спектакля „Ревизор“ в ТИМ'е. Результат этой работы послужил предметом специального доклада: „Опыт режиссерской записи спектакля „Ревизор“ в ТИМ'е“ (6/IV).

Кроме того, в п/секции теории было заслушано несколько глав из книги Н. Д. Волкова: „Русский театр и Мейерхольд“, посвященных периоду Художественного театра. Эти фрагменты книги были обсуждены (26/I) с точки зрения методов построения монографии научного типа. Наконец, в п/секции был заслушан доклад В. Г. Сахновского: „Проблема стиля в спектакле“ (3/V).

На группу современного театра было возложено задание устроить ряд заседаний, посвященных вопросам театрального строительства. В осуществление этого, состоялся вышеупомянутый доклад П. М. Керженцева, а также обсуждение „Горя уму“ в ТИМ'е. В этом же плане группа Современного театра заслушала работу аспиранта И. М. Клейнера на тему: „Первые театральные работы Алексея Грановского“ (21/V), являющийся частью его работы по истории Государственного Еврейского театра.

Необходимость ознакомления с театром современного Запада и Востока, побудила группу заслушать доклады — Д. Е. Аркина: „Театр современной Японии“, Г. О. Гаузнера: „Техника театра Кабуки“ (30/I) и сообщение О. Э. Чаяновой о театре Брагалии в Риме и театральном музее в Мюнхене (16/II).

Группа по изучению зрителя подвела итоги изучению зрительных реакций в театре Пролеткульт на спектакле „Власть“. Производивший исследование т. Самодур и И. Максимов прочитали специальные доклады о результатах записи реакций, с одной стороны, и об анкетных данных, с другой, (29/III).

Затем т. Самодуром был прочитан доклад (31/V) на тему: „Вопросы изучения зрителя детского театра“, где были подвергнуты оценке методы, практикуемые в Московском детском театре и отчасти в Ленинградском театре Юных Зрителей.

Кроме того, председателем комиссии, Н. А. Бродским был сделан доклад (17 I), характеризующий театрального зрителя нового времени.

Главной работой группы автора было осуществление задания ГУС'а над установлением методов и принципов инсценировок прозаических произведений. Это задание было выполнено И. А. Новиковым и послужило материалом для особого доклада (10/V). В этой же группе были заслушаны доклады—Е. Н. Коншиной: „Драматургическая композиция Бориса Пушкина“ (12/I) и доклад П. М. Якобсона: „Книга Дингера „Драматургия, как наука“ (28 III). Последний доклад совместно с секцией теории.

Группа Западно-Европейского театра заслушала доклады—В. Э. Морица: „Театроведение в Италии и Франции“ (12/I), В. Гиляровской: „История постановки Волшебной Флейты Моцарта“ (22 II), А. К. Живелегова: „Происхождение итальянских масок“ (20 III), И. А. Аксенова: „Сцениметрическое значение монолога и длинного рассказа в английской драме“ (3/IV), и, наконец, И. К. Артемьева: „Аретино и его комедии“ (8 V).

Группа оперного театра провела специальное исследование театральной музыки драматических представлений (доклад В. Я. Лютша 28 II) и сделала попытку социологического изучения оперных форм (доклад Е. Б. Вильковира: „Оперные формы и историческая их обусловленность“, 11/IV). В этой же группе были заслушаны доклады В. В. Яковлева и В. Я. Лютш: „Обзор истекшего оперного сезона. Анализ постановок“ (13 V) и доклад Н. В. Хвостова: „Былины о Садко и опера „Садко“ „Римского-Корсакова“ (8 VI).

Группа режиссера, в целях ближе подойти к разрешению проблемы оформления нового театрального стиля, признала необходимым создание специальной мастерской лаборатории. По этому вопросу был заслушан особый доклад В. Г. Сахновского (7/V, 15 V и 22 V), который не только обосновал необходимость постановки этих лабораторных работ, но и ставил проблему изучения возрастающего влияния малой театральной формы, так называемой эстрады, на театр.

В заключение отчета следует быть отмечено, что Театральная секция в истекшем году в значительной мере развила работы пленарных заседаний, где кроме вопросов научно-организационного характера был рассмотрен и ряд вопросов, перечисленных выше. Что же касается вопросов организационного характера, то здесь должно найти себе место только

указание на намеченную и уже разработанную секцией реорганизацию ее структуры, осуществить которую секция предполагает в следующем академическом году. Намеченная реорганизация исходит из современного состояния науки о театре и стремится создать внутри секции ячейки, работающие не только в области истории и теории театра, но и в непосредственном соприкосновении с живой театральной действительностью с современным театром.

Музыкальная секция.

За период январь-июнь 1928 г. работа Музыкальной секции группировалась преимущественно по ее ячейкам. Заседаний пленума секции состоялось только четыре: одно порядительное и три для заслушания докладов — Г. Э. Конюса (12 I), П. Б. Лейберга (2 II) и Р. И. Эйгеса (3 V).

Г. Э. Конюс в своем докладе: „Строительно-пульсовая волна в музыкальном произведении“ устанавливает теоретически новое понятие и доказывает, что на практике оно всегда являлось основой бессознательно возводимой музыкальной стройки. Это общая наибольшая мера всех частей музыкального произведения (либо группа тактов, либо такт, либо доля такта), строительно-пульсовая волна его, осознание которой необходимо для определения формы музыкального произведения.

П. Б. Лейберг в своем сообщении „Цвето-музыка“ осветил современное положение вопроса о связи между слуховыми и зрительными впечатлениями.

Наконец, И. Р. Эйгес в докладе: „Лев Толстой и музыка“ сделал попытку выяснить характерные воззрения Толстого на музыку.

Основной работой подсекции теории музыки было продолжение знакомства с обширным трудом Э. К. Розенова: „Научное обоснование учения о гармонии“. Было заслушано и обсуждено несколько глав из названного труда, а именно: „Гармонический лад и основы тонального тяготения“ (19 I), „Тональные и модуляционные функции интервалов“ (16 II), „Различные формальные функции одноименных, но акустически разнозначущих интервалов“ (26 IV), „Трезвучия гармонического лада“ (10 V), „Септаккорды и секвенцакорды гармонического мира“ (17 V). Кроме того два заседания подсекции (26 I и 23 II) были посвящены докладу А. Ф. Лосева: „К вопросу о систематике музыкально-теоретических категорий“ и одно заседание (7 II) докладу В. М. Беляева. „А. Д. Кастальский и его русская полифония“. Доклад А. Ф. Лосева представляет собою извлечение из напечатанного в текущем году его труда „Музыка и логика“. В. М. Беляев в своем докладе делает опыт выяснения главнейших задач сравнительного музыковедения, а равно выяснения существа народной музыки.

Группа по музыкальной эстетике продолжала работу по анализу музыкальных форм с точки зрения треть-

его эстетического принципа — принципа эмоциональности. В качестве руководства к анализам по указанному принципу служил экспериментальный метод, проведенный А. Пирро в его труде: „L'esthétique de Bach“. Подробным изучением метода Пирро, проводимого сначала на формах вокальной музыки с постепенным переходом затем к инструментальным формам музыкальной изобразительности, — занималась Е. А. Мальцева, изложившая метод в ряде докладов: „Выразительные формы мелодических соединений у Баха“ (25/I), „Выразительные формы в инструментальном сопровождении у Баха“ (10 и 24/III). По этому же методу были проработаны доклады М. И. Медведевой (7/IV): „Анализ изобразительных моментов в опере Моцарта „Милосердие Тита“, ее же „Опыт анализа лейтмотивов в операх Вагнера. Часть I „Золото Рейна“ (26/V) и Э. К. Розенова „Анализ выразительных и изобразительных моментов в опере Россини „Моисей“ (21/IV) и его же „Анализ выразительных приемов в опере Верди „Отелло“ (5 и 19/V).

Группа метро-тектонического анализа была занята применением названного аналитического метода к симфониям Бетховена. К настоящему времени группой выявлены метрические формы, метрические „скелеты“ всех девяти симфоний.

Работа под секции истории музыки заключалась в продолжении и углублении работ по изучению музыкальных стилей, в подготовке материалов в связи с предстоящим в ноябре 1928 г. столетием со дня смерти Шуберта, затем в художественной пропаганде „исторической“ музыки с помощью устройства показательных концертов.

Кроме того под секции приходилось давать посильные ответы на специальные задания Художественной секции ГУС'а, так например, по вопросу об организации современного концерта, по вопросу и по проблеме социологического обоснования истории музыки, как предмета преподавания. В области изучения художественных стилей главное внимание было уделено 17 и 18 столетиям. На эту тему были сделаны доклады М. И. Медведевой: „Новая система фуги А. Рейха“ (9/I), К. А. Кузнецовым: „Итальянская клавирная музыка XVII-XVIII вв. Алессандро и Доменико Скарлатти“ (23/I), Б. Л. Жилинским: „Этюды по истории мелизматике“ (27/II), В. С. Кузнецовой о „Notenbuch'e Леопольда Моцарта“ — к истории вокально-инструментальной сюиты 18 ст. (19/III). Обследованием вокального творчества Шуберта был занят К. А. Кузнецов и на основе собранных материалов, наметил ряд монографий со следующим содержанием: 1) Лирические и философские мотивы в творчестве Шуберта. 2) Шуберт в его песнях на тексты Гете и Майнгофера. 3) Музыкальные формы песен Шуберта в связи с проблемой его творческой эволюции. 4) Музыкально-драматические устремления в песнях Шуберта. При техническом участии

Научно-показательной части были проведены А. К. Кузнецовым лекции-концерты: 23/I (в сотрудничестве с Б. Л. Жилинским) — концерт, посвященный фортепианному творчеству Скарлатти (отца и сына) и 26/III, совместно с группой по изучению новой музыки, концерт, посвященный французской художественной песне от начала 19 столетия и вплоть до современности (исполнителями были В. С. Кузнецова и Б. Л. Жилинский).

Группа по изучению истории русской музыки сосредоточила свое внимание главным образом на окончательной подготовке к печати сборника, посвященного Мусоргскому и его опере „Борис Годунов“. На тему о Мусоргском были заслушаны доклады: В. В. Яковлева (20/I) „Мусоргский в воспоминаниях современников“ (окончание доклада, начало его было заслушано в ноябре 1927 г.), П. А. Ламма (27/II) „О постановке оперы „Борис Годунов“ на сцене Мариинского театра“, — и зачитаны статьи Игоря Глебова, предназначенные для сборника, посвященного Мусоргскому: „Эстетические воззрения Мусоргского“, „Оркестр оперы Борис Годунов—Мусоргского“ и „Мусоргский, как драматург“.

Следует еще отметить большую работу С. С. Попова (при содействии Э. Ф. Савеловой) „Библиография по истории русской музыки“ с 1914 по апрель 1928 г. включительно. Автором названной работы составлен список изданий по вопросам истории музыки, вышедших в России за период времени с 1914 г. по апрель 1928 включительно. Список предназначен был для устроенной германским „О-вом изучения восточной Европы“ выставки в Берлине.

Подсекция музыкальной психологии, с одной стороны, вела экспериментальную работу, с другой — усилила исследование связи между теорией музыки и психологией. Так, в отчетном полугодии, Э. К. Розенов приступил к экспериментам по исследованию порога восприятия метрических и ритмических единств. К этой работе примкнуло исследование аспирантки М. А. Моисеевой на тему о зависимости восприятия и воспроизведения музыкальных темпов с индивидуальным психическим темпом. План указанного экспериментального исследования, выработанный М. А. Моисеевой был обсужден на заседаниях подсекции (21/II и 6/III). По второму пункту велась работа Б. Л. Яворским (исследование принципов конструкции мелодии) и параллельно С. Н. Беляевой—Экземплярской (экспериментальная работа). Этой же темой была занята аспирантка Л. В. Благонадежина, прочитавшая доклад (29/V): „Отношение науки о музыке к психологии“. Кроме того в подсекции был заслушан доклад аспирантки Т. Е. Карповцевой: „Индивидуальные различия в восприятии музыкального выражения. По Курту Губеру“ (8 и 15 V).

В группе по исследованию лада был зачитан ряд докладов—Б. Л. Яворский: „Интонационная кривая речи“ (18/1), М. С. Пекелис: „Символика музыкальной формы“ (4/IV), Г. М. Римский-Корсаков: „Акустический анализ теории ладового ритма“, М. И. Медведева: „Основные течения русской музыкальной науки в наши дни. Очерк 1-й. Теория ладового ритма“ (17/V). В. Цуккерман: „Применение сложных ладов“ (6/VI). Кроме указанных работ в группе по изучению лада велось изучение народной песни на основании принципов теории ладового ритма С. В. Протопоповым.

Группа по изучению новой музыки за отчетный период имела следующие доклады: В. Я. Лютша (7/II) „Эрнст Кшенек и его опера „Jonny spielt auf“ с исполнением монолога Макса (II часть, 5-я сцена). Исполнителями были К. Е. Зайцев и Б. В. Левик. Докладу предшествовало вступительное слово В. М. Беляева „Новые тенденции в современной немецкой опере“.

Доклад М. Л. Старокадомского: „Современное состояние органного искусства на Западе“ (28/V) был прочитан на соединенном заседании группы по изучению новой музыки и подсекции истории музыки.

В Комиссии по музыкальной энциклопедии работа по составлению музыкального тома, предпринятой Г. А. Х. Н. энциклопедии художественных терминов, почти завершена. Музыкальная часть общего „Библиографического тома“ уже закончена.

В прошлом отчете музыкальной секции, напечатанном в № 10 „Бюллетеней ГАХН“, просят исправить следующие опечатки:

Стр.	Строчка	Напечатано:	Читать:
4 ¹⁾	10 сверху	„Об охране исполнения“	„Об охране музыкальных и музыкально-драматических произведений от искажающего исполнения“
40	15 снизу	и социологические	и его социологические
42	8 сверху	Фердинандо	Фердинандо Бибиена
42	14 „	Лебресса	Дебресса
42	15 „	Лебресса	Дебресса
42	22 „	также	тут же
42	20 снизу	2-ая тема М. И.	2-ая тема — доклад М. И.
44	10 „	выше	свыше

Секция пространственных искусств.

В подсекции теории искусств за отчетное время были заслушаны доклады—22/II Н. В. Яворской: „Проблема натюрморта у Сезанна“. В докладе оспаривался обычный взгляд на Сезанна, как на натюрмориста, и проблеме натюрморта отводилось определенное ограниченное место в творчестве мастера.

16/V В. А. Сидоровой: „Натюрморт у экспрессионистов“. На основе тщательного анализа натюрморта у экспрессионистов в докладе утверждалось подчинение всех формальных средств динамичности композиции и повышенная красочная тональность экспрессивности.

В группе по изучению категории живописности при п/с. теории были заслушаны два доклада:

18/I Д. С. Недовича: „Живописность в скульптуре“. Положению докладчика о диалектичности художественного развития от линейности через живописность к синтезу их пластичности, в прениях противопоставлялась антитеза, пластичность живописность.

8/III Н. И. Брунова: „О живописности в архитектуре“. Из противоположения двух категорий — живописности и пластичности — в докладе выводилась характеристика различных типов архитектур.

В подсекции эволюции художественной формы, в плане проработки коллективной темы о переходных стилях в истории искусства, были зачитаны следующие доклады:

17/I В. В. Павлов: „Проблема Тель-Амарнского искусства“. Рассматривая искусство Амарны, как кульманиционную точку развития формальных устремлений всего этого периода, докладчик полемизирует с утверждениями Баллода о прообразах и предпосылках Амарнского искусства в Древнем Царстве, отмечая, что ошибочность выводов данного автора является результатом одного археологического исследования и отсутствия у него формально-стилистического анализа.

31/I М. З. Мсерианц: „Один из итальянских мастеров переходной эпохи“. В докладе дана была характеристика творчества Нери ди Биччи, художника XV в., совмещающего в своем искусстве традиции треченто с формами, свойственными кватроченто. На фоне этой характеристики указанному мастеру докладчица приписывает две картины Гос. музея

изящных искусств, относя одну из них к началу 60-х гг., другую к 1463—64 г.

14/II С. И. Великанова: „Восковой рельеф Ф. Толстого, изображающий семейный портрет“. (К переходу от классицизма к ампиру). Доклад был посвящен выяснению наличности в скульптуре русского ампира элементов реализма, соединяющих с классическими тенденциями. Отправным пунктом анализа явился упомянутый в названии доклада рельеф, изученный докладчицей и в отношении имеющихся в нем элементов эллинистическо-римского искусства.

28/II М. М. Лосева-Постникова: „От старой финифти к живописной эмали. (Московская эмаль XVII века)“. Разрабатывая намеченную наименованием сообщения тему докладчица остановилась на вопросе о центрах эмальерного искусства на Руси XVII века, дала обзор практиковавшихся видов эмали и наметила проблему взаимоотношения собственно-русского производства в данной области с работами заезжих иностранцев на фоне влияний, шедших к нам с Запада и Востока.

27/III М. А. Ильин: „От итальянцев к XVII веку“. Анализируя кремлевские Успенский и Архангельский соборы, докладчик доказывал, что они проникнуты как итальянскими, так и русскими принципами архитектуры. Борьба этих двух начал не дает победу Ренессансу. Однако Дьяковская церковь, Покровский собор, Вознесенская церковь в Коломенском и церковь Острова, несмотря на свои русские черты, исходят из композиции искусства немецкого Ренессанса многим обязанного воздействиям Италии.

10/IV Е. М. Томиловская: „От академизма к реализму в русской скульптуре. (Я. П. Серяков — скульптор-самоучка)“. Проследивая творчество Серякова, докладчица наблюдает в его искусстве переход от ампирных форм к реалистическим. Это обстоятельство, тесно связанное с общим характером искусства его времени, у Серякова оказывается обусловленным и значительными влияниями, полученными из области народной резьбы (по кости, игрушка).

24/IV М. М. Кобылина: „Из эволюции образа Афродиты“. Доклад был посвящен проблеме ориенталистических влияний в эллинистической пластике.

9/V О. И. Лаврова: „Рельефные изразцы XVII—XVIII вв“. В рассмотренных памятниках докладчица усматривает западноевропейское влияние, в частности миниатюры.

22/V В. Д. Блаватский: „Римский республиканский портрет переходной эпохи“. В докладе были намечены три стадии республиканского портрета и дана их характеристика как в художественном, так и в техническом отношении.

29/V Н. Н. Коваленская: „К вопросу о реалистическом изломе в русской живописи в середине XIX в“. Доклад был

посвящен вопросу о сдвигах в жанре и о значении московской живописной школы.

За отчетное полугодие в п/секции современного искусства состоялось четырнадцать заседаний, на которых были заслушаны 9 докладов и 11 анкет.

20 января 1928 г. состоялся доклад заведующего Художественно-керамическим техникумом в Межигорье около Киева тов. В. Седляра: „Искусство Украины“. Докладчик осветил экономические и социальные условия украинского искусства за 10 лет революции, останавливаясь главным образом на эволюции живописи. Особое внимание он уделил характеристике исканий нового стиля так наз. школе Байгукистов. Доклад сопровождался демонстрацией многочисленных репродукций с памятников современного украинского искусства.

Б. Н. Терновец в докладе: „Творчество Феличе Казорати“ (27/I) охарактеризовал эволюцию Ф. Казорати на фоне современной ему европейской живописи; искусство Казорати войны не свободно от влияний (старые мастера, Зулоага до Климта); в 1920—1924 гг. Казорати вырабатывает основы своего личного стиля. Докладчик дает анализ решений, пространственной и цветовой проблем у Казорати, останавливается на практике им привезенного театра и многофигурной композиции.

В докладе А. А. Федорова-Давыдова: „Эволюция сюжетики в новой русской живописи“ (9/II) был предложен анализ русской живописи за период с 80-х годов до революции с точки зрения развития пейзажа, портрета, жанра, натюрморта; докладчик приходит к выводу, что в „реалистический период“ пейзаж подчиняет себе все другие темы, а в „аналитический“ период такое же господствующее положение занимает натюрморт.

С этим докладом был тесно связан другой доклад Федорова-Давыдова: „Стилистика новой русской живописи“ (16/II). Докладчик дал формальный анализ русской живописи за период с 80-го года до революции, не переходя, однако, за пределы предметного искусства. Подробно анализируя проблему пространства, цвета и композиции докладчик приходит к заключению, что эволюция живописи в „реалистический“ период шла по пути завоевания пространства и уничтожения об'ема, в „аналитический“ по пути все большего завоевания цвета. Основная цель докладчика—показать единство стиля в рассматриваемый период времени.

В докладе П. Д. Эттингера: „Русские художники за границей в 1927 г.“ 29/III было освещено творчество русских художников за последний год работающих в Германии, Италии, Франции и др. странах. Особенно подробно докладчик останавливался на характеристике творчества Алексева, молодого художника, выдвинувшегося за последний год.

Недавнему прошлому русской живописи был посвящен доклад Ф. И. Рерберга: „Московская живопись 90-х и 900-х годов“ (к истории о-ва московского товарищества художников), прочитанный 26/IV с/г. Докладчик указывает, что, купечество, как потребитель искусства, пришло в конце XIX столетия на смену аристократии и обнаружило полное безвкусие. Изобразительное искусство перестало в 90-х годах вызывать интерес. Успехом пользовались лишь сюжетные картины. Молодым живописцам надо было выставляться, т. к. кроме академической выставки были лишь передвижные и периодические. Первые не отвечали по идеологии молодым художникам, вторые лишь угождали вкусам публики. В этом нужно видеть причины возникновения общества, задачи которого, в противовес передвижной выставки, были чисто живописные. Далее докладчик перешел к изложению истории общества московского товарищества художников.

Доклад Д. Е. Аркина был посвящен „Современной Японской живописи“ (3/V). Докладчик дает характеристику школы и затем, переходит к характеристике современного искусства, указывая на наличие основных двух группировок. Одна стремиться к подражанию древне-китайским образцам, другая находится под влиянием современно-французского искусства. Доклад вызвал оживленные прения, в которых изложение докладчика вызвало целый ряд коррективов.

Доклад П. Д. Эттингера: „Творчество Л. О. Пастернака“ (17/V) носил монографический характер. Докладчик приводит примеры, оценки Пастернака русской критикой начало XX века, затем дает биографию художника и переходит к характеристике его графического творчества.

7-го июня заслушана работа Н. Н. Лазурского о художнике Костанди. Автор—деятель одесской художественной науки посвятил свой труд подробной характеристике жизненного пути и художественной эволюции Костанди, сыгравшего такую исключительную роль, в развитии художественных сил Одессы.

Кроме вышеуказанных докладов на заседаниях анкетной комиссии при п/секции современного искусства были зачитаны нижеследующие одиннадцать „анкет“ о русских художниках: А. И. Аристовой о Феофилактове, А. И. Аристовой о Конашевиче, К. А. Зелениной о Кареве, К. А. Зелениной о Кандарове, А. Н. Златовратским о Голубкиной, Т. И. Раппопорт о Матвееве, Б. И. Раппопорт о Сапунове, Н. И. Рождественской о Захарове, Н. И. Рождественской об Агапьевой, Н. В. Яворской о Родченке, Н. В. Яворской о Степановой. (Заседания 5/I, 19/I, 2/II, 15/III, 7/V).

В группе изучения современной театральной декорации слушали два доклада:

15/II А. М. Эфроса: „Итоги конструктивизма на сцене“.

16/V Н. В. Гиляровской: „Художники Мира Искусства на сцене Московского Художественного Театра“.

В графической комиссии была организована (XII/1927 — I/1928) выставка рисунков знаменитого нашего ленинградского современного графика Д. И. Митрохина. На выставке экспонировались 110 рисунков художника. Выставка, организованная Графической комиссией, вызвала большой интерес, как показывающая до сих пор неизвестную область работ Митрохина — рисунки с натуры.

18/I заседание, посвященное 35-летию художественной деятельности В. И. Соколова. Доклады: — В. Я. Адарюкова: „К 35-летию художественной деятельности В. И. Соколова“, И. Е. Бондаренко: „В. И. Соколов, как общественный деятель“, И. Н. Павлова: „В. И. Соколов, как гравер“.

14/III В. В. Воинов: „Кустодиев, как гравер“. Доклад, посвященный исчерпывающему обзору всего ксилографского и литографского творчества покойного мастера.

15/II доклад Л. Р. Варшавского: „Эволюция иллюстрированного журнала на западе, в России и в СССР“.

21/III доклад В. М. Невежиной: „Французские книги с гравюрами 80-х г. XIX века“.

31/V М. А. Цявловского: „Новые данные о художнике Башилове“. 11 неопубликованных писем Л. Н. Толстого к Башилову.

Вне этих трех основных линий работы Графическая комиссия приняла участия в слушании и разборе весьма ответственного доклада т. Адрианова по шрифту совместно с Библиологическим отделом и заслушала доклад Н. М. Черемухиной по социологической тематике в гравюре.

12/I и 19/I доклад В. Н. Адрианова: „Работа Гознака по новому шрифту“. См. в отчете Библиологического отдела.

18/IV доклад Н. М. Черемухиной: „Труд и техника в гравюрах XVII и XVIII века“ был посвящен подбору и анализу ряда весьма важных художественно и социологически произведений старой графики.

Исследовательский кабинет секции пространственных искусств распределял свои работы по группам и специальным темам, каждая из которых имела свои заседания и доклады.

Группа по изучению стиля русского искусства за подотчетное время разрабатывала богатейшее собрание фотографий памятников древнего русского искусства, работая в контакте с философским разрядом.

В группе изучения вопросов строительства художественных музеев состоялись заседания:

М. И. Фабрикант, 13/II: „Международное объединение музеев и задачи унификации музейного каталога“. Докладчик разобрал вопросы международного объединения музеев как столичных, так и более мелких — провинциальных, узко-спе-

циальных и пр., и вопрос унификации музейного каталога, остановившись на основных типах последнего.

4/V вступительное слово А. И. Анисимов, доклад Н. И. Толмачевской: „Монументальная живопись древней Грузии.“ Докладчица характеризовала живопись древней Грузии как не связанную единой школой, и полную стилистических различий даже в отдельных памятниках.

В группе по изучению архитектуры были заслушаны доклады:

Н. И. Брунов 2 II: „Архитектурная композиция Ростовского Кремля“. Докладчик характеризовал ансамбль Ростовского Кремля как построенный по принципам древне русского живописного стиля XVII в.

Б. Н. Засыпкин 12 IV: „Ансамбль Бахчисарайского Дворца.“ Докладчик дал формальный анализ ансамбля Бахчисарайского дворца, отметив наличие определенных взаимоотношений не только между отдельными частями дворца, но и окружающей природой и городом.

В. Д. Кокорин 26 IV: „Признаки некоторых композиционных построений в архитектуре“. Докладчик разобрал вопросы композиционного построения в архитектуре, затронув ряд общих связанных архитектуроведением вопросов.

А. И. Некрасов 21 V: „Русский стиль архитектуры XVII в“. Доклад давал новое освещение ряду памятников и вопросов строительной техники.

Н. Р. Левинсов 25 V: „Архитектурный ансамбль древнерусского монастыря (XVI—XVII вв.)“. Докладчик характеризовал ансамбль древне-русского монастыря, как некоторый комплекс возникших в разное время зданий главным образом в зависимости бытовых, стратегических и прочих условий. Ансамбль монастыря представлял собою как правило замкнутый во внутрь комплекс зданий, с собором в центре.

В группе по изучению живописи состоялись доклады:

Н. Г. Бонч-Осмоловский 16 I: „Русская селикатная краска“. Докладчик рассматривал способы приготовления селикатной краски и те преимущества, которыми обладает последняя.

Ф. И. Рерберг 13 II: „Изменяемость красок под действием света и воздуха“. Докладчик рассматривал вопрос о том, какие из красок могут быть признанными наиболее стойкими в тех или иных условиях их использования.

А. П. Коротков 20 III: „Результаты химического анализа древне-русских фресок“. Докладчик, рассмотрев ряд древне-русских фресок сравнил их технику с техникой современных фресок и разделил древне-русские фрески по их технике на 6 групп.

Н. В. Туркин 9 V: „Проблема механо-химии цветности в связи с новыми красителями ВХТИС'а“. Докладчик рассмотрел

свойства новых красителей ВХТИС'а, возникающих в связи с актуальными проблемами современности.

В группе по изучению творчества Сурикова был заслушан доклад В. А. Никольского 15 II: „История художественного образа боярыни Морозовой“. Докладчик рассмотрел историю художественных образов „Боярыни Морозовой“ Сурикова, придя к выводам, что лишь второстепенные персоны суть более или менее точные повторения этюдов с натуры, а главные персонажи созданы путем творческого претворения наблюдений живой природы.

В группе по изучению скульптуры проведены были следующие доклады:

М. М. Кобылиной 16 III: „Работы Blümel'я о греческой скульптуре“. Данная книга дала содержание четырех последовательных докладов; в первом заседании был дан разбор приемов работы греческих мастеров архаической и классической эпохи. На заседании 30/III та же докладчица дала разбор вопроса о подлинности Гермеса Олимпийского.

Н. П. Кивокурцев 29 IV использовал книгу для анализа приемов работы античных мастерских при обработке блока, изготовлений копии и проч.

В. Д. Блаватский 16 III дал разбор приемов работы эллинистической и римской эпохи.

Н. В. Домогацкий 9 IV: „Фактура и метод ее изучения“. Докладчик, определяя фактуру как состояние поверхности художественно-оформленного материала, выдвинул положение, что в основании изучения фактуры лежит ознакомление с художественной техникой.

В группе по изучению творчества Врубеля были предложены следующие доклады:

Н. М. Тарабукин 10 II: „Тема скорби у Врубеля“. Докладчик рассмотрел историю творчества Врубеля отметив, что скорбью проникнуто все творчество художника.

Д. С. Недович 17 II: „Демоническое искусство и творчество Врубеля“. Докладчик выдвинул положения, что руководящим образом Врубеля был Демон и история образа Демона есть автобиография Демона.

Ф. А. Усольцев 24 II: „Жизнь и творчество Врубеля“. Докладчик выдвинул положение, что творчество Врубеля здорово по своему существу, что Врубель не „раб природы“, а „как бы ее творец“.

В. Д. Измаильская 6 IV: „Отражение творчества Врубеля в творчестве Блока“. Отчет см. выше.

Н. А. Черникова 11 IV: „Схема индивидуального анализа при составлении биографии Врубеля“. Докладчица выдвинула положение, что при составлении биографии Врубеля необходимо пользоваться работами психографии и что наиболее

разработанную схемой индивидуального анализа жизни и творчества художника является схема Маргиса. (Заседание происходило совместно с Комиссией изучения проблемы художественного творчества).

23-го мая состоялось пленарное заседание секции, совместно с объединением художников „Жар-Цвет“, в ознаменование 30-летнего юбилея К. Ф. Богаевского, были прочитаны доклады: — 1. А. Г. Габричевского: „О творчестве К. Ф. Богаевского“. 2. Н. М. Тарабукина: „Художественный образ в искусстве К. Ф. Богаевского“. На вечере выступали с чтением приветствий, стихотворений и речей С. В. Шервинский, Д. С. Недович и др.

Декоративный комитет.

В отчетном периоде состоялось преобразование Секции Декоративных Искусств в Комитет. Причины, вызвавшие это преобразование, были указаны в отчете Секции за прошлую половину акад. года и к подробному освещению этого вопроса нет надобности возвращаться. Достаточно привести некоторые из пунктов положения о Комитете, где получили отражение моменты, стимулировавшие видоизменение данной ячейки Г.А.Х.Н. Так, пункт 1 гласит: „Задачей Комитета Декоративных Искусств является разработка вопросов теории, эволюции и современной художественной практики различных отраслей декоративного искусства как в научно-теоретическом, так и в научно-практическом направлениях.“ Пункт 5: „Изучение декоративных искусств в научно-практическом направлении составляют задачу Отдела художественной промышленности. Отдел этот разделяется на группы, изучающие вопросы как по целым комплексам художественных промыслов (кустарная промышленность), так и по отдельным отраслям художественной промышленности (керамика, полиграфия, текстиль и т. п.)“. И, наконец, пункт 7: „Для постоянного и органического участия в работе Отдела художественной промышленности привлекаются в качестве членов Комитета по этому Отделу представители соответствующих отраслей художественной промышленности, не принадлежащие к научному составу Г.А.Х.Н., но обладающие достаточной квалификацией в своих областях, как специалисты-практики“. Реорганизация Секции расширила перспективы работы и вместе с расширением работы является возможностью направить ее более планомерно и последовательно по определенным руслам, отвечающим наиболее важным и актуальным целевым установкам. За истекший отчетный период Комитет не мог, конечно, во всем объеме построить работу соответственно с поставленными ему задачами, тем более, что реорганизация произошла только в марте 1928 г. Однако, отчасти продолжая работы, начатые прежде, отчасти вводя в круг своей деятельности новые вопросы, Комитет подвел под будущую работу более или менее прочный фундамент. Вся практика деятельности б. Секции выдвинула следующие основные моменты: во-первых, необходимость скорейшего окончания тома энциклопедии терминов, посвященного декоративному искусству

Издание этого тома даст возможность пользоваться общим языком и иметь для суждений определенную основу. Пусть некоторые статьи окажутся спорными. Вызванная ими критика не замедлит внести нужную ясность и в итоге основные вопросы окажутся разработанными, подготовленными и уточненными. В виду отсутствия в литературе подобной разработки значительное количество времени было уделено Комитетом на обсуждение терминологии и формулировок необходимых для ставящихся вопросов предпосылок. Во-вторых, необходимость издания, кроме терминологического справочника—труда, посвященного теоретическим вопросам декоративного искусства, устанавливающего определение самого понятия этого рода искусства, уточняющего его границы, отмежевающего его от соседних областей, дающего систематику явлений декоративного искусства, некоторую сводку наблюдаемых в этой области законов и возможное вскрытие их причин. Такое издание еще более способствовало бы уточнению дальнейшей работы и направлению ее в сторону наибольшей эффективности. В-третьих, наконец, совершенно необходимо своевременное исследование и в возможной мере расширение всех жизненных вопросов, возникающих из живой действительности и более или менее безотлагательно требующих ответа. По большей части вопросы эти возникают применительно к какой-либо определенной области декоративного искусства, а поэтому проработка их обусловлена детальным знакомством с данной специальностью и ее практикой. Иногда эти вопросы требуют обобщения. Во всяком случае успешность их разрешения зависит не столько от напряженности обращенного на них внимания и, подчас, горячего увлечения ими, сколько от степени основательности общих теоретических положений, предварительно проработанных на обширном материале. Как пример можно указать, что на очереди стоят такие обширные и актуальнейшие вопросы, как вопрос о катастрофическом упадке многих отраслей нашей художественной промышленности, при общепризнанном высоком их значении для культуры страны и при несомненной возможности извлечения из них, при своевременной и умелой поддержке, крупных материальных выгод; затем вопрос о наиболее рациональных мероприятиях, этим вызываемых, и в числе их серьезнейший вопрос о художественном руководстве, о роли художника в промышленности и т. д.

Первый и второй из указанных моментов направляли деятельность отдела теории декоративных искусств. Усиленное внимание было уделено подготовке соответствующего тома энциклопедии терминов, примерно три четверти которого готово к печати. Выполнено также свыше половины работы по библиографии, относящейся к декоративному искусству. Кроме того велась работа по подготовке материалов для

сборника по теории декоративного искусства и в плане этой работы был заслушан доклад Д. Д. Иванова: „Вопросы стиля в декоративном искусстве“ (4/IV), посвященный кризису понятия стиля, наблюдаемому в последнее время в декоративном искусстве и тем причинам, которые этот кризис порождают. Докладчик указал на глубокое перерождение понятия стиля, на превращение его из приема обобщения в метод дифференциации, на постоянное отождествление признаков стиля с приемами техники и на частое сближение понятия стиля с понятием моды. Доклад вызвал оживленнейший обмен мнений, в итоге которого была намечена в дальнейшем серия докладов, долженствующая всесторонне осветить проблему стиля.

Тому же вопросу стиля был посвящен доклад В. Э. Мориза: „Смены стиля“ (8/III). Иллюстрируя свои положения историческими данными и многочисленными примерами из личных наблюдений и собранных им материалов, относящихся к современным явлениям, докладчик раскрывал искания нового стиля в декоративном искусстве в течение прошлого века и в современную эпоху, дал характеристику господствующего теперь на западе „геометрического стиля“, обрисовал роль международных выставок в процессе искания новых стилеобразований и делал выводы из наших выступлений на всемирных выставках в Париже в 1925 и в Милане в 1927 гг.

21/III был заслушан доклад Д. К. Тренева: „Научно-художественное значение орнаментики шелковых тканей Средней Азии“. Доклад сопровождался обширной экспозицией тканей из собрания докладчика и был посвящен систематике выявления декоративного творчества в одной из наиболее характерных областей текстильного кустарного производства, и явился в известной мере, мостом между проблемами, ставившимися в отделе теории и комплексом тем по отдельным отраслям декоративного искусства, относящимся к Отделу Художественной промышленности.

В группе по изучению керамики этого отдела были заслушаны доклады: П. Б. Юргенсона. — „О Дмитровском рельефе Георгия Победоносца“ (17/I), посвященный анализу и атрибуции этого выдающегося памятника в связи с вопросами материала и техники обработки; Д. М. Циперовича: „Майолика Деруты в прошлом и настоящем“ (1/II), в котором докладчик, проработавший лично в течение ряда лет в Деруте и в деталях ознакомившийся с этим своеобразным родом керамического производства, сделал сводку всех сведений о нем под углом зрения возможности использования его достижений в керамической промышленности СССР; С. В. Филипповой: „Эмиль Галлэ, как художник стеклоделия“ (2/III), посвященный общей характеристике этого выдающегося деятеля

декоративного искусства, характеристике его как художника-декоратора, художника-технолога, художника массового производства, его значению и его школе; А. В. Морозова: „Гарднеровские статуэтки по гравюрам Венецианова из Волшебного фонаря“ (23/II), в котором докладчик дал подробный анализ целой своеобразной группы предметов Гарднеровского производства и установил источник их возникновения из области графики той же эпохи; А. В. Филиппова: „Северо-Двинская школа изразцового дела XVII—XVIII вв.“ (30/V). Остановившись в первой части доклада на вопросе метода изучения русских изразцов, охарактеризовав типы изразцовых печей России и Западной Европы, особенности применения изразцов в главных центрах средней и северной России, отметив насыщенность Вологдо-Двинского района древними изразцовыми памятниками, автор сообщил результат произведенного им обследования Великого Устюга летом 1927 г. и дал характеристику изученных памятников и школы, периодов развития изразцового дела, высокого художественного качества и художественной и технологической оригинальности изразцов.

Доклады Циперовича, Морозова и Филиппова иллюстрировались экспозицией соответственных образцов и памятников.

В кустарной группе были заслушаны доклады—С. А. Клепикова: „Лубочная картинка прежде и теперь“ (27/I), сопровождавшийся демонстрацией лубков из коллекции докладчика, обстоятельно знакомивший с эволюцией народной картинки в России от первых уцелевших ее образцов до последнего времени; Н. Д. Бартрама: „Художественное производство обслуживающее ребенка за 150 лет“ (29/II). Затронув разнообразные области художественного производства, относящегося к игрушке, кукольному театру, печатным играм, картинам и таблицам для детей, осветив исторические моменты и практику этих производств, докладчик разрешал так же вопрос о соотношении и взаимодействии в них творчества коллективного и индивидуального. С 13 по 23 июня кустарной группой совместно с Центральной Научной Опытно-Показательной станцией по кустарно-ремесленной промышленности ВСНХ РСФСР была организована выставка: „Кустарная ткань и вышивка в современном женском костюме“. Выставка эта, на которой демонстрировались работы Н. П. Ламановой, В. И. Мухиной и Е. И. Прибыльско́й, использовавшие для моделей женского костюма кустарные ткани и вышивки, вызвала живой интерес, о чем свидетельствует посещаемость ее за краткий срок—1400 человек—невзирая на мертвый сезон. Следует отметить, что главную часть посетителей составили экскурсии худ. пром. учебных заведений и деятели кустарной промышленности. 21/VI состоялось расширенное за-

седание Кустарной группы, посвященное обсуждению выставки и принципов построения женского костюма, применяемых Н. П. Ламановой. Участвовавшие в обмене мнений работники практики этой области отмечали значение выставки как для кустарного производства, так и для швейной промышленности и все настойчиво указывали на необходимость периодической организации подобных выставок, имеющих научно-практические задачи, и обсуждение их.

Отдел изучения искусства народов СССР.

К январю 1928 г. Отделу удалось закончить в общих чертах ликвидацию Юбилейной Выставки. Опыт Выставки и множество материалов и сведений информационного характера по искусству различных народов СССР дал Отделу И И Н прочную базу для дальнейшей работы. Начиная с января в плане научно-исследовательской деятельности Отдела стала проработка тех новых данных, которые дала Выставка. 3 I состоялся доклад А. П. Ручьевой на тему: „Художественный анализ мордовских вышивок“. Докладчица, иллюстрируя свое сообщение богатым иллюстративным материалом, дала очень яркую картину истории развития и эволюции элементов народного орнамента мордвы, указав на особенности в его стилистических формах и композиции. В ряде проведенных названий на мордовском языке частей и элементов орнамента, докладчица указала на интересные моменты в психологии творца орнамента и развития творческого процесса. 11 I состоялся доклад С. В. Иванова на тему: „Народный орнамент ульчей“ (дальний Восток). Как и предыдущий доклад сообщение т. Иванова имело своей задачей выяснение эволюции форм и красок в примитивах народного искусства ульчей. Помимо интересных сведений о своеобразном искусстве этой далекой народности, докладчик дал ряд ценных методологических определений по вопросу об изучении народного орнамента, доказывая насущную необходимость совмещения этнографического и искусствоведческого исследования в бытовом искусстве.

26 I состоялся доклад Ю. А. Самарина на тему: „Роль личности в народном искусстве“ (по материалам Юбилейной Выставки). Разделяя произведения народного искусства на две резко отличающиеся группы, докладчик в своем сообщении проводил мысль о том, что народное искусство в громадном большинстве никогда не является продуктом коллективного творчества. В каждом произведении народного искусства всегда можно проследить элементы индивидуального подхода мастера. При чем подлинным произведением народного искусства является тот предмет, в котором момент личный строго гармонирует и развивается в соответствии с традиционными формами стиля. К другой группе принадлежат те произведения, где

личный момент преобладает и этим отрывает предмет от прежней формы и стиля.

8/II состоялся доклад У. Боданинского: „О народном искусстве Крыма“. В своем сообщении докладчик обрисовал главные художественные промыслы Крымских татар и их современное состояние. Особо коснулся докладчик о перспективах развития художественной промышленности и о работе Бахчисарайского Художественного Техникума. Того же числа состоялся доклад М. А. Ильина на тему: „Крестьянская архитектура Кен-озера“ (Вологодская губерния). В своем докладе т. Ильин дал определение основным типам архитектуры форм крестьянских построек в их историческом развитии.

22/II Ф. Ф. Чалым, был прочитан доклад на тему: „История кобзарства на Украине“. В ряде музыкальных №№, художественно исполненных т. Чалым под аккомпанемент кобзы были даны основные сюжеты украинских дум.

9/III Е. Н. Лебедевой был прочитан доклад: „Молдавская народная песня и ее происхождение“. После исторического обзора общего развития художеств молдавского народа, докладчица на ряде конкретных примеров молдавских песен, исполненных хором студентов Молдавского Сектора КУНЗ представила перед слушателями современное состояние и формы песнетворчества у молдаван.

29/III состоялся доклад т. Б. П. Сальмонта на тему: „Культура, песни и танцы бурято-монгол“. В чрезвычайно талантливой и яркой форме, докладчик, иллюстрируя свое сообщение исполнением национальных танцев представил перед аудиторией яркую картину пластического и песенного искусства бурято-монгол; особенно интересным явилось изображение отдельных моментов национального праздника „Цам—Хурал“, роли действующих лиц которого исполняли в масках ученицы докладчика.

23/IV был прочитан доклад Е. Ю. Спасской: „Гонимые кафли Черниговщины“. Докладчица в своем сообщении обрисовала главные формы существующего в настоящее время еврейского фольклора, указав на те из них, которые подвергаются современному вымиранию и те, которые продолжают жить в быту еврейского народа.

10/V П. И. Цветаевой был прочитан доклад информационного характера об украинском театре Березиль, руководимом отчасти Лесем Курбасом. После описания истории развития данного театра, докладчицей была сделана попытка указать на основные общие моменты и различия между „левым фронтом“ театра Украины, руководимым Лесем Курбасом и идеологическими установками В. Мейерхольда.

Помимо вышеперечисленных докладов Отделом были проведены ряд докладов совместно с другими ячейками Г. А. Х. Н. „Изобразительное искусство Украины“ — т. Седляра, „Художественное искусство Украины“ — т. Седляра, „Художественное искусство Украины“ — т. Седляра, „Художественное искусство Украины“ — т. Седляра.

ственная промышленность Средне-Азиатской Республики"—Тренина, „Памятники архитектуры древней Грузии"—Анисимова и ряд др. докладов.

Вместе с комиссией художественных переводов литературной секции, Отделом начата работа по переводам произведений национальных писателей и поэтов на русский язык. В связи с этим были прочитаны два доклада К. П. Герда: „Поэзия вотяков“ и М. М. Маркелова: „Опыты переводов мордовской народной поэзии“.

Обширность задач, стоящих перед Отделом в различных областях изучения искусства национальностей СССР, поставила еще в этом году перед Отделом необходимость разделения своей деятельности на ряд отдельных комиссий по видам искусства.

25 V Ю. А. Самариным был прочитан и принят президиумом Отдела план реорганизации Отдела на основе разделения на отдельные п/отделы: 1) кустарной промышленности и народного искусства, 2) изобразительного искусства, 3) музыки, театра и кино, 4) художественной литературы и фольклора.

В текущее полугодие при Отделе был организован Художественный Совет, в состав которого вошли представители от различных национальных учреждений и организаций. В состоявшихся трех открытых заседаниях Художественного Совета, были сделаны доклады об итогах выставки: Я. А. Тугендхольдом, Б. М. Соколовым, В. Л. Львовым-Рогачевским и С. А. Бугославским. На другом заседании Художественного Совета Б. М. Соколовым был прочитан доклад на тему: „Основные вопросы изучения искусства народов СССР и план ближайших работ Отдела“. Главной целью Художественного Совета является поддержка и укрепление деятельной связи с национально-культурными работниками и вовлечение их в работу Отдела следует отметить, что за истекшее полугодие уже можно было наблюдать присутствие национальной молодежи на различных докладах.

Во вновь организованном при Отделе Кабинета Искусства Народов была начата работа по инвентаризации и классификации многочисленного (преимущественно литературного) материала, полученного после ликвидации выставки. Имея более 3.000 томов произведений национально-художественной литературы, Кабинет начал вести работу по переводу отдельных национальных поэтов, привлекая для этой цели учащуюся молодежь из нац. и коммунистических ВУЗ'ов.

Библиологический отдел.

В самом начале отчетного полугодия Б/о постигла невознаградимая утрата: 8-го января скоропостижно скончался Ученый Секретарь Б/о Н. Ф. Гарелин. Смерть его тяжело отразилась на работе отдела. В лице Н. Ф. потерян не только первоклассный эрудит-книговед, не только человек высокой европейской культуры, но и совершенно исключительный труженик, входивший во все мелочи работы, служивший соединительным звеном между различными разветвлениями отдела и Академии и вне нее стоящими учреждениями. Б/о посвятил памяти Н. Ф. траурное заседание 1-го марта 1928 года, устроенное совместно с Русским О-вом Друзей Книги, при участии М. А. Доброва, Д. Н. Егорова, К. Н. Игумнова, П. С. Когана, А. Л. Любимова, Н. И. Пожарского, А. А. Сидорова, С. В. Шервинского и П. Д. Эттингера; кроме того, в лице А. А. Сидорова и М. А. Доброва Б/о участвовал в заседании памяти покойного, организованном Всесоюзной библиотекой имени Владимира Ильича Ленина.

Отчасти, вследствие кончины Н. Ф. Гарелина, руководившего работой по изучению титульного листа, отчасти вследствие стремления дать ответ на отложенные вопросы современности, Б/о главное свое внимание устремил на рассмотрение вопросов полиграфического порядка, отложив на время, для наилучшей проработки, свою работу по истории элементов книги.

12 I, совместно с Графической комиссией СПИ, был заслушан доклад В. Н. Адрианова: „Работа по новому шрифту Госзнака“. Доклад и прения по нему, последовавшие 19 I, со всею очевидностью показали, какая сложная и многообразная работа должна предшествовать созданию нового, удовлетворяющего всем требованиям нашей советской современности шрифта, насколько губительным тут является всякий эстетизм и эклектизм. Гознаковский шрифт, несмотря на удачу некоторых своих деталей, не удовлетворил собравшуюся широкую аудиторию, отвечая специфическим требованиям „защитности“ (затрудненности при подделке кредитных билетов), новый шрифт — разно-элементен, эклектичен и потому не может быть отнесен к типу столь необходимых теперь массовых производственных шрифтов.

На вопрос о том, какие же шрифты приемлемы для советской действительности, отвечал доклад М. Л. Горшкова: „Итоги работы комиссии по стандартизации шрифтов“, заслушанный в заседании 15/III, устроенном совместно с Графической комиссией СПИ. Доклад подвел итоги громадной работе комиссии, разбившейся на три совещания (художников, производственников и окулистов), рассматривавших каждый гарнитур шрифта с своей точки зрения (художественной, экономической и гигиенической), а затем согласовывавшей результаты анализа каждого из трех совещаний в пленуме комиссии. Последняя детально изучила все колоссальное, с первого взгляда, дореволюционное шрифтовое наследство, при чем пришла к довольно нерадостным выводам: богатство — кажущееся, хороших или даже только приемлемых шрифтов мало, нет ни одного пригодного газетного шрифта. Комиссией оставлено всего только около десятка шрифтов, в том числе и оставленные временно, все же остальное забраковано и предназначено к ликвидации.

Б/о, внеся единственную поправку (о гарнитуре 23 английском) и высказав пожелание, чтобы ликвидация шрифтов проводилась возможно упорядоченнее, (с сохранением пунсонов, специальных шрифтов и т. п.), одобрил в целом работу комиссии, указав на необходимость создания нового, отвечающего специальному заказу, советского шрифта, при чем в целях содействия созданию такого шрифта, просил Полиграфтрест озаботиться выработкой требований, предъявляемых им к шрифту, с тем, чтобы потом эти требования были обсуждены, при участии специалистов и художников, в Б/о.

„Роли художников в типографии“ был посвящен доклад Н. В. Ильина, прочитанный 22/III. „У нас мало художников-книжников, а те, которые имеются не связаны с производством, оторваны от типографии, между тем художник должен быть в типографии, у него должна быть такая же лаборатория для организации опытов, как у инженера текстильщика или химика, тесно связанного с производством“. Эти основные положения доклада встретили видимое сочувствие со стороны Б/о, настаивавшего только на некоторой осторожности при проведении означенных мер в жизнь. Высказывались пожелания об укреплении роли и значения художников при издательствах, о надлежащем использовании художников, окончивающих графический факультет Вхутеина и т. п.

Два доклада Ф. Ф. Платова, первый, прочитанный 17/V на тему: „Формальный анализ шрифта“, второй 21/V на тему: „Основы диалектического шрифтоведения“, спорные по выводам и неувязанные со стороны методологической, обнаружили несомненные способности докладчика к формальному исследованию шрифтов, оценке их достоинств, критике их недостат-

ков, и что самое главное, к предугадыванию пути, по которому должно пойти создание нового шрифта. Второй доклад, правильный по постановке темы, намечающий изучение шрифтов в их изменениях в зависимости от меняющихся социальных условий, на тему не ответил, — в нем не хватало той конкретности, учета реальной обстановки, какие предполагает применение диалектического метода.

Заседание 10/V, посвященное докладу А. А. Сидорова на тему: „Программа экспериментальных работ по удобочитаемости шрифтов на приборе“, явилось очень знаменательным в жизни Б/о. Сконструированный прибор, принесенный докладчиком в дар Б/о, позволяет последнему, совместно с Психо-физической лабораторией, поставить ряд опытов по проблеме чтения и по усвояемости различного типа шрифтов, метод же сравнения, имеющий быть положенным в основу этих опытов, приведет, надо надеяться, к решению многочисленных задач в области шрифта и, в частности, дает возможность прокорректировать работу комиссии по стандартизации шрифтов.

Несколько особняком от перечисленных докладов, но все же внутренне-связанный с ними, стоял доклад И. Ф. Протасова на тему: „Упрощение письма“, прочитанный 19/IV. Доклад касался возможных способов рационализации нашего письма, по мнению докладчика, очень не экономного, очень не приспособленного к быстрому темпу нашей жизни. Докладчик вполне правильно указывал, что путь к рационализации письма должен идти через всестороннее изучение самого письма, различных способов писания. В прениях подчеркивалось, что внимание должно быть обращено не столько на скорописание, к чему лучший путь ведет через усовершенствование приборов для письма (автоматические ручки, пишущие машинки, дикатфоны), сколько на скорочтение, т.-е. на такую фиксацию мысли, которая возможно легче была бы воспринята не только современниками, но и будущими поколениями. Четкость, ясность, конструктивность письма выступала тут в своей специальной роли.

В п/о археографии состоялось два заседания.

26/I в соединенном заседании с Литературно-архивной комиссией Литературной секции был прочитан М. А. Цявловским доклад на тему: „Опыты фотографирования неподдающихся чтению рукописей, написанных карандашом“. Опытам подвергались, почти совершенно стершиеся, листы из записных книжек Л. Н. Толстого. Производство опытов было поручено Научно-техническому отделу уголовного Розыска НКВД, применившему способ Буринского (усиление снимков путем ряда повторных фотографирований). Данное начинание Б/о установило обещающую большую помощь в прочтении считавшихся недоступными для человеческого глаза мест рукописи, (стер-

шихся, выскобленных, зачеркнутых). 3/V М. А. Цявловский произнес вступительное слово к докладу Зуева-Инсарова: „Графологический анализ почерков Пушкина, Толстого, Горького и Есенина“. М. А. Цявловский, говоря о связи текстологии с графологией, поставил перед последней ряд очень интересных, и почти не разрабатывавшихся до последнего времени, задач. Вопросы определения почерков, подделки их, их датировки, вопрос о „порциях“ писателя, т.е. о написанном за один „присест“, в одном настроении, и т.п. — на все это, конечно, должна ответить именно графология. Тот же путь, по которому она идет в настоящее время, путь психографологии, в нынешнем своем состоянии едва ли даст многое для уяснения личности писавшего. Так и в характеристиках Зуева-Инсарова, интересных самих по себе, и, новых по некоторым деталям, многие компоненты характеристик можно было бы получить другим более простым путем.

Доклады И. Ф. Протасова и М. А. Цявловского послужили некоего рода импульсами, заставившими п/о палеографии Б/о пересмотреть свои задачи, включить в план своего изучения современные рукописное письмо, главным образом, конечно, со стороны художественной, со стороны искусства письма (Schreibkunst). М. А. Добровым, в заседании 30/V были намечены: „Основные задачи изучения искусства письма“, т.е. план работ, которым будет руководствоваться Б/о в наступающем академическом году. Систематический подбор образцов письма, собирание и изучение разного рода прописей и руководств по каллиграфии, изучение „парадных“ почерков и скорописи, взаимоотношения печатного и рукописного письма, изучение „почерков эпохи“, связь почерка с жестом (тема Сиверса), отражение почерков в живописи (тема, поставленная Зелигером), изучение искусства письма у различных социальных слоев — вот задачи, поставленные докладом и прениями.

В п/о палеографии 29/III был прочитан Ф. А. Петровским доклад: „Рукопись Саллюстия из собрания Румянцевского музея“. Докладчик обстоятельно проанализировал все каллиграфические приемы и особенности этой необыкновенной по красоте искусства письма рукописи времен раннего итальянского гуманизма.

В п/о библиографии состоялось три заседания:

9/II был заслушан доклад Н. Ю. Ульянинского: „Библиографирование русской журнальной литературы по искусству за 1926 г.“. Доклад подводил итоги работе п/о по расписыванию периодики и устанавливал (в черновом виде) ту классификацию, по которой расположился зарегистрированный материал.

16/II М. С. Базыкиным был прочтен доклад (последний из цикла юбилейных докладов и выставок, приуроченных к

десятилетию Октябрьской революции) на тему: „Издания русских библиофильских обществ за 10 лет (1917—1927 г.)“. Докладчик подробно остановился на характеристике РОДК, ЛОБ, сравнил их издательскую продукцию с продукцией дореволюционного КЛРИИ, упомянул о деятельности провинциальных обществ (Казань, Вологда и др.). Доклад сопровождала выставка изданий библиофильских обществ, составленная с исключительной полнотой.

В связи с наступающим осенью 1928 г. столетием со дня рождения Л. Н. Толстого, Б/о посвятил третье заседание п/о библиографии, состоявшееся 8/III, докладам о библиографировании Толстого. И. Д. Покровская сделала доклад на тему: „Произведения Л. Н. Толстого и литература о нем за 1917—1927 гг.“. Н. Д. Покровской закончена, принятая к печати, большая библиографическая работа о Толстом и данный доклад явился рефератом об этой работе, методологических затруднениях, возникавших при делении ее. В том же заседании Е. В. Мокршанской было зачитано сообщение на тему: „Американская литература о Л. Н. Толстом“.

Последний доклад Б/о — доклад М. А. Цявловского на тему: „Новые данные о художнике Башилове“ был заслушан в п/о истории и теории книги, в заседании 31/V устроенном совместно с Графической комиссией СПИ, доклад также был посвящен Л. Н. Толстому, иллюстрациям Башилова к „Войне и миру“, отношению Л. Н. к автору иллюстраций и к самим иллюстрациям. Доклад был прочитан на основании неизданных, в большей части, писем Л. Н. Толстого, хранящихся в Толстовском музее и сопровождался демонстрацией гравюр Рихау и др., сделанных по рисункам Башилова.

Кино-кабинет.

В отчетном втором полугодии 1927—1928 г. помимо обычных пленарных заседаний, посвященных общим вопросам теории и истории кино, значительно выросла и окрепла работа, образовавшихся в этом году групп: сценарной и фильмографии. Занятия там приняли постоянный планомерный характер, выработались свои программы, поднялась посещаемость. Поставленный в этом полугодии в порядок дня вопрос об увязке работ кабинета с производственными общественными организациями — также получил осуществление; несколько заседаний было посвящено вопросам кино-образования, в особой комиссии была выработана программа представления в Совкино по производству культурфильмы и проделана большая работа по подготовке материалов к всесоюзному партийному совещанию по вопросам кино. Кроме того музейная группа в этом полугодии проделала большую работу по накоплению материалов, получив значительный картинный фонд из Совкино, который несомненно явится основным материалом для научно-исследовательских работ будущего кино-музея.

Теоретическим и практическим работам в этом полугодии были посвящены 21 пленарное заседание и ряд очередных заседаний групп.

В пленарных заседаниях были заслушаны доклады: „Производство пленки“ А. Я. Дринберга (два заседания), „О детской фильме“ Ю. А. Желябужского, содокладчик Н. Д. Барtram, (два заседания) с просмотром картин „Каток“ и „Положение болвашки“, „Культура кино-оператора“ И. А. Боханова, „Украинская кинематография“ К. И. Фельдман, с просмотром картины „Звенигора“ Довженко, „Предметный жест“ А. К. Топоркова, „О работе Вертова“ К. И. Шутко, с просмотром картины „Одиннадцатый“ и выбора кусков из его „Кино-Правд“ (два заседания), „Значение оптических фактов в художественном построении кадра“ Ю. А. Желябужского с просмотром кусков из картины „Сын“ и специальных для этой темы сработанных докладчиком иллюстраций. Затем пять заседаний было посвящено совместным заседаниям с другими ячейками академии: два с комиссией по общей истории искусств и эстетике философского разряда: „Пути кинематографа“ Айхенвальда (два заседания), „Кино-искусство событий“ Н. И. Жинкина и „Социальный заказ и кино-агитка периода

гражданской войны". Г. М. Болтянского, — последний совместно с кабинетом по изучению художественной агитации и пропаганды.

Кроме того три заседания было посвящено научным просмотрам картины: „Наполеон“ А. Ганса, „Симфония большого города“ Рутмана и „Проблема питания“ (научная картина), и два заседания докладам тов. Гринфильда о Гаагской международной выставке и Роома об организации производства и методах работы в Германии с просмотром картины „Белый Стадион“.

Сценарная группа: „Сюжет литературный и кино“ В. К. Туркина, „Вещь в кино“ А. А. Филимонова, „Тропы и фигуры“ Плонского, „Как сделана „Парижанка““ Б. А. Альтшулера.

В докладе А. Я. Дринберга (27/I) был затронут самый актуальный вопрос современного кино-производства — производство собственной пленки. Дав подробный анализ истории и техники изготовления пленки за границей и нарисовав картину современного положения дел у нас, докладчик пришел к выводу, что в виду сначала крайне сложной техники производства пленки — необходимо заняться предварительной работой научных исследований, для чего необходимо прежде всего создание специальной научно-испытательной и производственной лаборатории при ВСНХ или Совкино.

Доклад Ю. А. Желябужского и Н. Д. Бартрама (3/II) остро поставил вопрос о неудовлетворительности современной детской фильмы как с художественной стороны, так и педагогической. Исходя из психологии творчества ребенка, докладчики выставили необходимое условие для детской картины — считаться с возрастом ребенка. Отсюда вытекает само собой и художественный метод воздействия. После прений пленарное заседание единогласно высказалось за пожелание организации новой группы при кабинете, которая бы специально занялась „детской фильмой“ под руководством Ю. А. Желябужского и Н. Д. Бартрама.

В докладе „Культура оператора“ И. А. Бохонов (16/III) подчеркивает роль кино-оператора и значение технических приемов при создании фильмы — еще раз выдвинул проблему техники в кино и вопрос о том, кто же является создателем фильмы. Ряд основных своих положений об организации кинокадра докладчик подчеркнул обильным иллюстративным материалом, — опыты практических его достижений.

В докладе об Украинской кинематографии К. И. Фельдман (30/III) дал краткий исторический обзор развития украинского кино с подробным разбором картины „Звенигора“, как предельным достижением ВУФКУ. Докладчик отметил, что „Звенигора“ является образцом высшей формы кинематогра-

фической выразительности — это прообраз грядущей кино-поэмы.

А. К. Топорков (20/IV) ясно поставил и развил одно из основных положений своего доклада, что в предметном жесте, рабочем движении, как колыбели современной жестикуляции — таится своя особая еще не раскрытая художественная правда. Что только кино может раскрыть его динамику, а, следовательно, только кино дает совершенно новую установку для игры актеров. Таким образом предметный жест, по мнению докладчика, обусловлен не только трудовыми процессами, а является мощным языком кино, красноречивым выразителем жизни. Некоторые из оппонентов, отметив, что докладчик за механикой движения не видит живого человека с его сложной психической нервной системой, указали, что огромную роль играет не предвиденное, и что следовательно для выявления внутренних переживаний во вне недостаточно только одних законов движения мускульного напряжения, а еще требуется порыв, вдохновение, не поддающиеся учету. Однако, если и не все положения докладчика были одинаково убедительны — пленарное заседание признало, что стремление докладчика к порядку и систематичности законов движения современного человека через кинематограф, — заслуживают внимания.

В докладе о работах Вертова К. И. Шутко (18/V) после тщательного анализа социально-политических условий, в которых сложился и окреп талант Вертова, — отмечает как особую заслугу Вертова его чистоту кинематографического языка, как новатора в области раскрытия особенностей кинематографического языка. Докладчик видит в Вертове редкого мастера, умеющего распоряжаться исключительными качествами специфики кинематографического выражения. Широко развернувшиеся прения показали всю сложность вопроса поставленного докладчиком. Соглашаясь со многими основными положениями докладчика, однако, было отмечено, что работы Вертова расходятся с его декларативными утверждениями и в особенности в части его доводов о так называемой игровой и не игровой фильмы. Горячий защитник на словах кино-документа, — Вертов незаметно сам для себя пришел к принципам и приемам игровой фильмы. Экспрессия его кино-образа зачастую строится именно на принципах игровой фильмы.

В докладе: „Значение оптических факторов для художественного построения кадра“, Ю. А. Желябужский (25/V) подчеркнул все значение сложной кино-техники и особенно световых моментов в создании кино-образа. Рядом примеров докладчик показал каких эффектов выразительности можно достигнуть приемами проявления, виражировки, способами копировки, новыми системами об'ективов, сложными приемами освещения.

Г. М. Болтянский в своем упомянутом выше докладе (4/V) анализирует проблемы художественной агитации и пропаганды в искусстве кино и подчеркивает агитационное значение кино. Давая анализ буржуазного искусства нашей эпохи, докладчик подчеркивает все значение правильно понятого социального заказа для воздействия на широкие массы. Отмечая значение и характер агитки периода гражданской войны, докладчик приходит к выводу, что и теперь правильно понятая задача агитационного искусства имеет большое значение у нас в СССР. О других двух совместных заседаниях с докладами Б. Ю. Айхенвальда и Н. И. Жинкина сведения помещены в отчете философского разряда.

По Сценарной группе в этом полугодии могут быть отмечены пять докладов: „История влияния других искусств на развитие кинематографа“ и в развитие той же темы: „Периоды влияния литературных форм на кинематограф“. Давая краткую историю развития кино на фактах дореволюционной фильмы, докладчик, В. К. Туркин (14/III и 21/III) отмечает последовательное влияние на кино литературы, театра, живописи.

В докладе А. А. Филимонова: „Вещь в кино“ (28/III) отмечается исключительное значение какое играют в кино предметы и вещи и их роль при создании кино-образа.

В докладе: „Тропы и фигуры“ (11/IV) тов. В. Плонский задевает сложные проблемы символа и поэтического образа в кино, и ряд тех специфических особенностей кинематографического языка, из которых складываются постепенно тропы и фигуры нарождающегося нового искусства и, наконец, последними в этом полугодии доклад Б. А. Альтшулера (27/IV) на материале, композиции и сценарии: „Парижанка“ ставит ряд тем, которые вытекают из анализа картины: а) что же такое кино-жанры, б) характеристика действующих лиц и в) как монтировать, чтобы получить последовательность действия.

Группа фильмографии в этом полугодии проделала довольно кропотливую работу по составлению картотеки дореволюционной фильмы и сделала первый опыт анализа социально-технического изучения отрывка из картины „Менильмонтан“ французского режиссера Кирсанова.

Принимая во внимание, что теория кино неразрывно связана с практикой кино—основные стремления Кино-кабинета направлены в область эксперимента. Однако, отсутствие специально оборудованного помещения, необходимого для самых скромных опытных работ не дают еще до сих пор Кино-кабинету возможности развернуть работу, так как этого требует сам предмет.

Деятельность по организации Кино-музея и собиранию материалов, изучению и систематизации этих материалов и проработке методических вопросов кино-музейной работы

начатой в конце 1926 г., продолжалась и в 1927/28 акад. году и дала ряд положительных результатов. Были разработаны образцы и типы карточек и записей на них по всем видам материалов, собранных в музее (фото-кино-плакаты, filmy, кино-аппаратура, кино-литература, документы и т. д.). Всех заседаний за период с 1 октября 1927 г. по 15 сентября 1928 г. (занятия продолжались непрерывно и летом) состоялось 57, из них 50 дней лабораторных занятий и 7 заседаний по организационным вопросам. Лабораторные занятия велись основным и постоянным составом кино-музейной группы: Г. М. Болтянский (общее руководство, работа по устройству выставок и привлечению материалов), М. М. Басов (секретарь Кино-музея, вся общая организационная работа, ответственность по инвентаризации и техническая работа), А. Н. Телешев (отдел кино-плаката), Б. П. Пахомов (отдел кино-литературы), О. А. Болтянская (по кино-литературе, фото и документам), А. К. Крук (отдел фото).

Кроме практической работы по получению, записи и систематизации получаемых все время материалов, Кино-музей Г.А.Х.Н. принял участие за истекший академический год в 2-х больших выставках: 1) в юбилейной выставке Искусства народов СССР, 2) в Гаагской международной кино-выставке. Кроме того руководитель группы Г. М. Болтянский вел также за весь истекший год основную работу по выставке советской фотографии за 10 лет в качестве зам. председателя комитета. На выставке Искусства народов СССР Кино-музей организовал большой кино-отдел, значительная часть материалов которого была дана Кино-музеем. Все материалы разных кино-организаций по окончании выставки музеем удалось получить в свою собственность в виде дара. За участие в этой выставке музей получил почетный отзыв. В Гаагской международной кино-выставке, происходившей в мае — июне 1928 г., Кино-музей участвовал своими экспонатами по истории дореволюционного кино, по клубной и деревенской кино-работе, по национальному кино и раннему периоду советской кинематографии. Кроме того музеем были посланы специальные экспонаты по деятельности самого музея (образцы карточек, фотографии устроенных выставок, фотографии фильмохранилища, статистические данные о материалах, собранных в Кино-музее и т. д.).

После долгих поисков и борьбы Кино-музей получил в этом году помещение в б. Донском монастыре для хранилища музейных фильм. Фильмы эти (преимущественно ценные в историко-художественном плане дореволюционные негативы и позитивы, отобранные музеем) были получены осенью 1927 г. из Совкино по резолюции замнаркомпроса В. Н. Яковлевой. Г.А.Х.Н. на собственные средства отремонтировал и оборудовал

стелажам и столами полученное музеем помещение для хранения фильм и сделал все противопожарные приспособления. В середине лета фильмохранилище перешло в новую более обширную башню Донского монастыря и работники Кино-музея привели в предварительный порядок все фильмы (наклейки, названий, порядок расположения, проверки описи и т. д.).

За текущий академический год было 340 поступлений разных материалов в Кино-музей от 75 организаций и от 35 отдельных лиц. Всего в настоящее время имеется в Кино-музее до 7000 единиц, из них около 2500 кино-плакатов (961 названий) свыше 2000 книг, брошюр и др. изданий, 1631 фотографий, 55 кино-аппаратов, 352 названия фильм и т. д. Общая оценка имущества Кино-музея на 1 апреля 1928 г. составляет 662.835 руб.

В производственный план наступающего академического года включено устройство ряда выставок.

Психо-физическая лаборатория.

В отчетном полугодии Психо-физическая лаборатория вела исследовательскую экспериментальную работу в трех основных разделах, ориентирующихся на соответствующие отрасли искусствоведения: 1) в области музыкального искусства, 2) театра, 3) пространственных искусств. Помимо текущей работы, состоявшей в собирании экспериментального материала, лаборатория имела ряд заседаний с докладами двух видов: одни давали отчет о произведенных исследованиях, выясняя результаты произведенных опытов, другие посвящались обсуждению планов новых исследований.

Состоялись (в хронологическом порядке) следующие заседания.

26 I были заслушаны 2 доклада с планами новых исследований—В. Н. Одиной: „О гармонических сочетаниях хроматических цветов с ахроматическими“ и С. С. Толстого: „Измерение колорита картин“.

2/II было заслушано информационное сообщение С. В. Кравкова на тему: „Экспериментальное изучение хода цветового утомления“. Докладчик на основе ряда опытов, произведенных с помощью Гельмгольцевского аппарата для смешения цветов, изучил последовательное изменение воздействия цветовых раздражителей, заключающее в спадании яркости цветовых ощущений в результате утомления. Экспериментатор использовал монохроматические — красный, зеленый и фиолетовый раздражители. Пользуясь подравниванием тухнувшей яркости утомляющего раздражения в разные периоды времени различным стационарным яркостям, исследователь имел возможность получить кривую спада яркости, установив при этом зависимость величины цветового утомления не только от интенсивности цветного раздражения, но и от его качества, в частности доказав наибольшее утомление (при одинаковой яркости) фиолетового, наименьшее — зеленого цвета. В прениях по докладу указывалось, м. п., на желательность связать произведенные опыты с эстетическим моментом, в частности с вопросом о восприятии смены цветов и восприятии цветов в картинах.

23/II в совместном заседании лаборатории с теоретической п/секцией Театральной секции заслушаны были два доклада, представляющие предварительное сообщение о работе группы

по изучению сценического действия в вопросе о выработке методов регистрации актерской игры: доклад С. Н. Беляевой-Экземплярской: „Сравнительное описание актерского исполнения“ и Л. А. Скляра: „Опыт описания целой роли“. Первый доклад принципиального характера настаивал на значении регистрации целостного впечатления в дополнение к различным видам дифференциальной записи (фонетической, мелодической, мимической и т. д.); устанавливал возможность характеристики целостного впечатления (на основе конкретных моментов, его определяющих) в направлении выразительном эстетическом и формальном; указывал на значение сравнительного описания для разрешения задачи объективной регистрации при сохранении факта индивидуальных различий в описании. Доклад Л. А. Скляра излагал план исследования, выработанный в связи с результатами произведенного опыта записи целой роли (была взята роль Оллан в пьесе „Пурга“ в различных исполнениях двух постановок — Студии Малого Театра и Театра б. Корш при нескольких регистраторах). Прения содержали выяснение основных задач регистрации и описания и попытки выяснить различные направления в характеристике цельного впечатления от исполнения, например, того, что называется формальной стороной исполнения, эмоционально-смысловым содержанием и т. д.

В другом заседании также совместно с п/с. Теории театральной секции был заслушан 5/III доклад Б. М. Теплова, излагающий план исследования на тему: „Выработка методов ритмического анализа видимой стороны актерского исполнения“, имеющего в виду запись ритмической стороны оперного жеста и постановку экспериментов с вариациями, относящимися к распределению во время движений и согласованности их с музыкой у зрителя-слушателя. По этому плану начата была работа над отрывками „Борис Годунов“ и „Евгений Онегин“ в постановке ГАБТ и студии Станиславского.

В двух заседаниях 22/III и 29/III был заслушан и обсужден план исследования, предложенный Б. Н. Компанейским на тему: „Общие элементы в психологии гипнологических галлюцинаций и сновидений и в психологии художественного творчества“.

10/V был обсужден план исследования М. А. Моисеевой на тему: „О соотношении музыкального восприятия и воспроизведения и индивидуального психического темпа“. В этом же заседании было заслушано сообщение С. В. Кравкова на тему: „О цветах последнего контраста“. Докладчик остановился на анализе того факта в области психо-физиологии зрения, в котором данные непосредственного наблюдения противоречат теоретическим ожиданиям, а именно: цвета последовательного контраста не совпадают с дополнительными

цветами. Рассмотрев различные объяснения этого факта, докладчик защищал объяснение, связанное с результатами исследований хода цветового утомления (см. выше пред. доклад С. В. Кравкова): причиной несовпадения является разный уровень стационарного возбуждения в первоначально раздражающем цвете. В прениях ставился вопрос, соответствует ли закономерностям, указываемым в докладе, гармония цветов, устанавливаемая некоторыми авторами, и может ли факт „смещения“ цветов последовательного контраста иметь то или другое значение в живописи, а также вопрос о зависимости „смещения“ от площади цветной поверхности.

24/V был заслушан доклад Т. Е. Карповцевой на тему: „О типах восприятия художественных картин“. Докладчица изложила результаты первой серии произведенных ею экспериментов на названную тему. Избрав метод свободного показания исследуемых о процессе восприятия картин при кратковременном и длительном предъявлении таковых, она произвела подсчет различных моментов, составляющих содержание процесса восприятия, а также факторов, определяющих оценку картин, получив отсюда некоторый материал для классификации типов восприятия. Кроме того на некотором материале она собрала данные, характеризующие развитие процесса восприятия художественных картин и известную степень влияния самих художественных объектов на этот процесс. В прениях по докладу, занявших это и часть следующего заседания, высказывался ряд соображений методологического характера—о содержании инструкции, даваемой испытуемым в опытах такого рода и определяющей направления процесса восприятия картин, о выборе художественного материала для этих опытов и об интерпретации получаемых показаний. Соображения эти имели в виду продолжение опытов Т. Е. Карповцевой на обозначенную тему.

31/V был заслушан доклад П. В. Ванецяна, излагающей результаты экспериментов, произведенных автором, на тему: „О восприятии гармонических и композиционных отношений в области цвета“. Охарактеризовав значение цвета, как одного из факторов, определяющих художественное впечатление в области изобразительных искусств, и его различные функции в искусстве—декоративную, формальную, изобразительную и символическую, докладчик подчеркнул роль композиционных отношений между цветами, недооцениваемую обычно в экспериментальных исследованиях, а также значение индивидуальных развитий в восприятии этих отношений. Оба эти момента и определили своеобразие предпринятого автором исследования, в котором испытуемым предлагались для оценки варьируемые отношения между площадями сочетающихся цветовых компонентов, и основным результатом которого явилось установление

некоторых аспектов и типов в восприятии сочетаний цветов: тип, восприятие которого строится на моменте предпочтения одного из компонентов (субординирующий или акцентирующий), и тип, основывающийся на моменте уравнивания элементов (по принципу их эстетической равноценности, формальных особенностей, эмоционального воздействия или механического равновесия). В прениях по докладу ставился вопрос о значении для результатов исследования избранной автором формы, представляемой испытуемому, цветной площади, о влиянии насыщенности цветов на оценку отношений при той или другой площади, и принципиальный вопрос об отношении аспекта и типа, а также о связи типов восприятия отношений различных цветов и типов, устанавливаемых в литературе, по отношению к восприятию изолированных цветов.

В этот же день состоялось совместное заседание лаборатории с комиссией по изучению художественного восприятия Ф П Р для заслушивания доклада О. И. Никифоровой на тему: „О восприятии композиции картин в живописи“. Доклад основан на ряде экспериментов, произведенных в лаборатории.

1/VI в совместном заседании комиссии по изучению художественного творчества Ф П Р и п/с. теоретической поэтики Литературной секции с лабораторией заслушан был доклад В. Н. Ланиной на тему: „Психологический аспект и изображение героев в произведениях Достоевского“.

Содержание двух последних докладов и прений по ним приведено в отчетах соответствующих ячеек.

В организационном отношении для лаборатории следует отметить принятие Ученым советом в этом полугодии нового „Положения“ о лаборатории, окончательно устанавливающего самостоятельность лаборатории в ее взаимоотношениях с различными разрядами и секциями Академии, как учреждения, разрабатывающего экспериментальным путем проблемы эстетики и искусствоведения.

Оборудование лаборатории пополнилось рядом приборов по разделу, ориентирующемуся на изучение пространственных искусств.

Хореологическая лаборатория.

Хореологическая лаборатория за период январь—июнь 1928 г. имела одиннадцать научных заседаний, которые, по принятой программе работ, распределяются следующим образом:

По первому разделу, а именно—„Общие принципы искусства движения“, были заслушаны два доклада—А. А. Сидорова: „Основные принципы системы А. Дункан“ (19/III) и И. С. Чернецкой: „Айседора Дункан и чистый танец“ (5/IV). В докладах были выявлены историко-художественные основы так называемой „пластической“ системы движения, произведены сопоставления с другими современными системами движения (в частности с балетной системой) и определен удельный вес этой системы для современного воспитания и театра.

По разделу II и III, а именно, координации движения к его временно-пространственным формам, были заслушаны три доклада—Н. Г. Фрикен: „Творчество и ритм“ (27/I), Н. С. Познякова: „Экспериментальные исследования звука и движения“ (11/IV) и Е. С. Бодянской: „Законы организации пространства танцевальной позы“ (6/II). Первые два доклада касались проблемы взаимодействия движения и ритма и законов построения движений в зависимости от музыкальной формы; третий доклад касался законов композиционного построения позы в пространстве в зависимости от эстетических влияний симметрии разных форм. Доклады—Н. С. Познякова и Е. С. Бодянской представляли собой теоретическую обработку материала, полученного в порядке экспериментальных работ лаборатории.

По четвертому разделу, фиксации движения, были заслушаны, в связи с организованной лабораторией IV выставкой искусства движения, следующие доклады—А. И. Ларионова: „Научные итоги IV выставки искусства движения“, А. А. Сидорова: „Художественные итоги IV выставки искусства движения“ и С. А. Себрякова: „Технические достижения фото Запада“ (20/I).

По разделу пятому, нормализации техники художественного движения был заслушан (23/I) доклад Н. В. Пясецкой: „Мимика, жест, звук—как функции сигнально-символической работы мозговых полушарий“. Доклад имел задачей установить закономерность мимико-жестикационных движений с точки зрения рефлексологии.

По разделу шестому, изучению стилей художественного движения, были заслушаны два доклада—А. И. Ларионова: „Проблема стиля в искусстве движения с точки зрения социологии“ (5/III) и В. И. Авдиева: „Композиция древне-египетского танца“ 5/VI. Первый доклад представлял собой опыт расширения базы для стилистического определения движения, поскольку подобные определения, принятые в области изобразительных искусств, недостаточны для искусства движения. Второй доклад представлял собой опыт реконструкции сложных художественных древне-египетских изображений танцевального движения на основе исчерпывающего привлечения изобразительных материалов египетского искусства и данных художественной археологии.

Наконец, был заслушан доклад М. П. Улицкой и В. А. Гроссмана: „Авторское право в танцевальном искусстве“ (16/V), касавшийся весьма важной темы — защиты авторского права в области художественного творчества искусства движения. Существующее право недостаточно ограничивает специфические особенности искусства движения от театрального искусства вообще, а потому было признано желательным внести надлежащие уточнения в соответствующие разделы авторского права.

За указанный период имело место 11 экспериментальных занятий под руководством А. И. Ларионова, на которых были произведены нижеследующие работы: установлена схема функциональной зависимости формы пространственного кадра от структурных линий внутри кадрового расположения танцевальной фигуры и произведена работа по сравнительному анализу различных систем движения, с целью установления аналогий в канонах движения. Подверглись сравнительному изучению две пластические системы, две гимнастические (шведская и сокольская) и система балетного экзерсиса. Сделаны предварительные выводы о генетическом взаимоотношении этих систем.

В январе 1928 г. Хореолабораторией Г. А. Х. Н., совместно с Гос. техникумом им. А. В. Луначарского, Центральным управлением Госцирков, Гос. студией им. А. Дункан, Гос. курсами „Искусство движения“, Ансамблем В. Майя, РФО и Совкино, а также при участии Ленинградских учреждений и школ движения (З. Н. Вербовой), Детской Худож. студией им. Лилиной, Гептахор и др. была организована очередная IV выставка искусства движения. Она отличалась от предыдущих выставок участием иностранных экспонатов, которыми была представлена Германия (Гос. Опера Берлина, Мюнхена, Эссена и др.), Австрия (Гос. Опера Вены, школа Геллерау-Лаксенбург, школа Мери Вигман, Лабан и др.) и частично Франция (художник Гранжуан). Размер выставки значительно перевысил

размеры предыдущих выставок равным образом значительно возрасла ее посещаемость. По указаниям иностранных участников выставка вызвала целый ряд заметок в германской и австрийской прессе. По окончании выставки в Москве, она по предложению Гос. ин-та истории искусств была переведена в Ленинград, где тоже отмечался к ней значительный интерес и Ленинградская пресса поместила о выставке ряд заметок. Для выставки был издан специальный каталог со статьями на русском и немецком языке, в том числе специально написанной для каталога статьей о танце и театре известной венской художницей танца Г. Боденвицер, статьями—А. И. Ларионова и А. А. Сидорова.

За отчетный период Хореологическая лаборатория значительно расширила свои связи с другими учреждениями как в порядке научной, так и художественно-консультативной работы.

Была продолжена совместная работа лаборатории с секцией по пляске при Научно-техническом комитете ВСФК. За истекшее время имело место 8 совместных заседаний; наиболее важными предметами заседаний являлись: разработка программы краткосрочных курсов по пляскам и танцам для клубных и школьных руководителей физкультуры, составление сборника музыкального сопровождения для физкультурных упражнений и разработка принципов показа художественного движения на Всесоюзной Спартакиаде 1928 г.

Представитель лаборатории был привлечен к особому совещанию при МОНО для выяснения вопроса о школе им. А. Дункан. Затем под председательством представителя лаборатории проф. А. А. Сидорова (по предложению т. Ходаровского) была созвана комиссия при Главпрофобре для выработки проекта положения о формах дальнейшего существования школы им. А. Дункан под научно-экспериментальным центром Хореолаборатории. Проект этот был утвержден коллегией Наркомпроса.

Лаборатория была привлечена (январь 1928 г.) ЦК ВЛКСМ и художественным отделом ГПП к рассмотрению вопроса созыва конференции по играм и танцам.

Лаборатория была привлечена художественным отделом Главнауки (февраль 1928 г.) на совещание по вопросам современного музыкального театра и эстрады.

Ленинградская ассоциация пластического движения объединяющая в себе все лучшие Ленинградские пластические организации (студия Вербова, Гаптахор, Мусиной и др.) обратилась (в феврале 1928 г.) к лаборатории с предложением взять на себя идейное руководство над работой ассоциации и оформить ассоциацию как Ленинградское отделение Хореолаборатории Г.А.Х.Н.

В связи с IV Выставкой Искусства Движения, имевшей международный характер, Хореолаборатория (в апреле 1928 г.) получила предложение принять участие в международном чемпионате танца в Париже, организованном рядом газет и „союзом преподавателей танца Франции“, имеющем быть в апреле - мае с. г. и предложение принять участие на международном конгрессе искусства движений в Эссене в июне с. г., по этим вопросам лабораторией было созвано два экстренных заседания с руководителями московских государственных школ движения и отдельными режиссерами и артистами. Было постановлено отказаться от приглашения в Париж, и признать желательным коллективную поездку в Эссен, в виду высокого научного и художественного значения этого конгресса и благоприятной для СССР идеологической его установки.

В связи с назначенной в Москве на август мес. с. г. Spartakiadой, представитель лаборатории Г. А. Х. Н. А. И. Ларионов вошел в состав Агитационно-пропагандистской комиссии оргкомитета Spartakiады; далее, представитель лаборатории вошел в оргбюро по пляске Всесоюзной Spartakiады и введен, кроме того, в состав судейской коллегии. Далее, в виду того, что во время Spartakiады будет организована Выставка физкультуры, Хореолаборатории предложено принять в ней участие по организации отдела художественного движения.

Представители лаборатории были приглашены в Квалификационную комиссию госуд. курсов искусства хореографии (б. техникум им. А. В. Луначарского) и в комиссию Главпрофобра по обследованию этих курсов (апрель - май 1928 г.).

Научно-показательная часть.

За период с 1 января по 1 июня Научно-показательная часть Г.А.Х.Н. продолжала развивать свою программу, частично осуществленную в первой половине 1927/28 академического года. Работа развивалась по трем направлениям: а) открытые вечера в стенах Академии, б) выставки, в) вечера и выступления вне стен Академии.

Вечера по первому разделу были сгруппированы в циклы. Так, несколько выступлений было посвящено лекциям и вечерам по истории музыки, русским городским музеям, современному театру, восточному искусству. Лекции по истории музыки отражали искусство итальянских клавирных композиторов XVII—XVIII вв. (23/I), французскую художественную песню (19/III). Исторические концерты, организованные К. А. Кузнецовым, сопровождались музыкальными иллюстрациями В. С. Кузнецовой и Б. Л. Жилинского. По теме: „Города-музеи“ была прочитана А. И. Анисимовым лекция с диапозитивами и демонстрацией кино-фильмы: „Новгород, как город-музей“ (29/II). В области современного театра были заслушаны лекции — В. Г. Сахновского: „Элементы и композиция спектакля“ (16/III), П. А. Маркова: „Направление современного театра“ (29/III). По циклу восточного искусства были прочитаны 2 лекции А. С. Стрелковым, посвященные искусству Индии буддийского периода (2/IV) и (25/V). В осуществлении этих лекций принял участие Музей восточных культур.

Литературные юбилеи и годовщины были отмечены рядом вечеров. Первый из них отметил творчество Н. А. Некрасова (30/I) в связи с 50-летием смерти поэта с докладами — П. Н. Сакулина, И. Н. Кубикова и при участии артистов московских театров. Второй меморативный вечер был посвящен памяти поэта Ф. Сологуба (6/II) с докладами — Н. К. Гудзия, Г. И. Чулкова и чтением воспоминаний артистами московских театров. Юбилейное празднование М. Горького было отмечено двумя вечерами: первый — общий с докладами П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова и И. Н. Кубикова (27/III), и второй — специально посвященный Максиму Горькому и театру (31/III) с докладами В. А. Филиппова, Н. А. Маркова, Н. Л. Бродского и чтением воспоминаний авторами их. Заслуживает также внимание вечер памяти няни Пушкина

Орины Родионовны (6/IV) с докладом Ю. М. Соколова и выступлениями О. Э. Озаровской, арт. Спендиаровой, трио им. Е. Ф. Цертелевой и мастерской „Живого слова“. Вечер сопровождался демонстрацией теневых картин, исполненных худ. Ефимовым.

Среди других литературных выступлений следует в особенности отметить вечер творчества Серафимовича (19/IV), собравший исключительно отзывчивую аудиторию слушателей. Творчество писателя было отображено докладами—П. С. Когана, И. Н. Кубикова и выступлениями ряда артистов московских театров. Вечер был отмечен специальной статьей в „Известиях“.

Вечер крестьянской поэзии с докладом В. Л. Львова-Рогачевского (30/I) удалось иллюстрировать авторским чтением крестьянских поэтов: Радимова и Богданова и артистов: Ключарева, Бахтерова и др.

Совместно с секцией СПИ Научно-показательная часть устроила вечер, посвященный творчеству худ. Богаевского и доклад А. И. Анисимова и Н. Н. Толмачевской на тему: „Монументальная живопись древней Грузии“. Особый интерес последнему вечеру придавала выставка копий со стенных росписей грузинских храмов, исполненных художницей Н. И. Толмачевской.

Помимо этой выставки Научно-показательная часть приняла также участие в выставке рисунков Д. И. Митрохина, к которой Академией был выпущен специальный каталог. Вне стен Академии было проведено 30 выступлений в различных клубах г. Москвы. В целях более планомерного обслуживания этого крайне важного раздела работ Н П Ч была сконструирована особая комиссия литературно-художественного просвещения, задачей которой является организация консультации по литературно-художественным вопросам и направление лекторов в клубы для чтения лекций и докладов. Комиссия имела ряд организационных совещаний и осуществила в районах несколько выступлений, посвященных, главным образом, творчеству М. Горького. Разработанные темы были фиксированы особой программой-листовкой, разосланной по клубам.

По линии Научно-показательной деятельности Академии были осуществлены выставки П. П. Кончаловского, а также проведены дискуссии на с'езде АХХР в стенах Академии.

Работа Научно-показательной части успешно развивалась, благодаря неизменному вниманию, проявляемому к ней со стороны артистов московских театров—А. Л. Вишневского, И. А. Залесского, В. В. Лужского, М. А. Переслени, П. И. Румянцева, Е. Ф. Сарычевой и др.